
ISSN 2412-1762

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

МЕЖДУНАРОДНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА

Москва

ВЕСТНИК
Международного юридического института
Научно-информационный журнал

ISSN 2412-1762

№ 1-2 (82-83) 2023

Основан в июле 2001 г.
Выходит 1 раз в 3 месяца

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ –
Международный юридический институт

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Жильцов Н.А., к.ю.н., к. пед. н., профессор, председатель редколлегии
Чердаков О.И., д.ю.н., профессор, главный редактор

Буков В.А., к.ю.н., доцент

Пахолкин Д. А., к.полит.н.

Бит-Шабо И.В., д.ю.н., доцент

Ходусов А.А., к.ю.н., доцент

Липчанская М.А., д.ю.н., профессор

Глотов С.А., д.ю.н., профессор

Касич О.И., к.ю.н., адвокат

Столяров Д.А., к.ист.н.

Ростовщиков И.В., д.ю.н., профессор

Шишкина Е.А., д.соц.н., профессор, литературный редактор

Назарова К.С., выпускающий редактор

Адрес редакции:

127427 Москва,

Кашенкин луг, д. 4

Телефон: (495) 9358256

E-mail: info@lawinst.ru

<https://lawacademy.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № 77-16506 от 13 октября 2003 г.

© Международный юридический институт, 2023

Все права защищены

Подписано к печати 28.07.2023

4,56 усл. печ. л.

Журнал публикуется на сайте института

<http://lawacademy.ru>

В НОМЕРЕ

НАУКА И ПРАКТИКА

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Устинов Александр Вячеславович

*ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО
ГОСУДАРСТВА* 5

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Долидзе Тимур Юрьевич

*ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОКАЗАНИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ* 13

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО / ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Алексеева Анна Анатольевна

*ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА СЕКРЕТА ПРОИЗВОДСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ
ПУТЬ РАЗВИТИЯ* 21

Новикова Валентина Вячеславовна,

Колябин Алексей Юрьевич

СОДЕРЖАНИЕ ДОГОВОРА УСТУПКИ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ..... 26

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Васьковский Андрей Сергеевич,

Иванцов Сергей Вячеславович

*ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ В КОММЕРЧЕСКОМ
ПОДКУПЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЕГО РАЗМЕРА*..... 32

Монахов Александр Сергеевич

*ДОПИНГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ В КОММЕРЧЕСКИХ И ИНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЯХ* 40

Монахов Александр Сергеевич
*АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО СТАТЬЕ 230.1 УГОЛОВНОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА* 47

СЛОВО СТУДЕНТУ

Ковальчук Константин Артемович
*ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В
ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ* 54

Протасов Сергей Владимирович
*ГИПОТЕЗА ТРАНСФОРМАЦИИ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ
НАСЛЕДНИКА - ТРАНСГЕНДЕРА* 59

Хабибулова Алсу Амировна
ФОРМА СДЕЛОК С ЦИФРОВЫМИ ФИНАНСОВЫМИ АКТИВАМИ 67

НАУКА И ПРАКТИКА

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342

Устинов Александр Вячеславович,
аспирант Международного юридического института
alexanderarrow@yandex.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Электронное государство является концепцией, требующей глубокого теоретико-правового анализа, поскольку сегодня цифровые технологии повсеместно проникают во все области государственного управления, внося коррективы в реализации ключевых государственных функций. Определение сущности и назначения электронного государства, его влияния на функционирования механизма государства через призму социальной практики. Методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания. В статье использованы общенаучные и частнонаучные методы исследования, в частности формально-юридический, сравнительно-правовой, технико-юридический. Концепция электронного государства является особой формой осуществления функций государства, её последовательная и всесторонняя реализация позволит обеспечить высокий уровень функционирования механизма государства, а также его взаимодействие с гражданским обществом.

Ключевые слова: электронная государство, цифровое государство, функции государства, цифровые технологии.

Ustinov Alexander Vyacheslavovich,
postgraduate student of the International Law Institute

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS CONCEPTS OF THE E-GOVERNMENT

Abstract. The e-government is a concept that requires a deep theoretical and legal analysis, since today digital technologies everywhere penetrate all areas of public administration, adjusting in the implementation of key state functions. To determine the essence and purpose of the electronic state, its impact on the functioning of the mechanism of the state through the prism of social practice. The methodological basis of this study is a set of methods of scientific cognition. The article uses general scientific and private scientific research methods, in particular formal-legal, comparative-legal, technical-legal. The e-government is a special form of state functions, its consistent and comprehensive implementation will ensure a high level of functioning of the mechanism of the state, as well as its interaction with civil society.

Keywords: electronic state, digital state, functions of the state, digital technologies.

На современном этапе цифровые технологии проникают во все сферы жизни. Трансформационный процесс интеграции цифровых технологий в государственно-правовые сферы стал предвестником такого явления, как электронное государство. Как и в случае с любым словосочетанием, категория «электронное государство» может трактоваться различным образом, в зависимости, прежде всего, от точки зрения ученого. Однако в целом электронное государство можно определить как процесс государственного управления и предоставления государственных услуг с использованием информационно-коммуникационных технологий. Также можно определить «электронное государство» как систему государственных органов власти, осуществляющих свои полномочия в интерактивном режиме¹. Электронное государство может выступать в качестве: средства коммуникации между обществом и государством; модели деятельности государства в условиях модернизации государственного аппарата; поддержки экономического, правового, политического, административного и гражданского единства страны; возможного альтернативного способа оказания государственных услуг в электронной форме; системы управления государственным аппаратом власти, которое осуществляется в электронной форме. Становится очевидным,

---

¹ Мусихина И. А. «Электронное правительство» как способ взаимодействия органов власти с гражданами // Инновационные технологии в управлении: сборник научных статей / под ред. Е. В. Марченко. Вып. 2. М.: Макс Пресс, 2016. С. 225—228.

что электронное государство осуществляет преобразование функционирования государственных институтов¹.

При обсуждении правовых аспектов механизмов, поддерживающих электронное государство, сразу становится очевиден ряд теоретических оснований: во-первых, цифровые технологии являются фундаментом для формирования электронного государства, во-вторых, формирование и полномасштабная реализация концепции электронного государства имеет определенные юридические последствия. Без налаженных электронных систем процессы и решения, принятые государственными органами, обычно осуществляются вручную, однако внедрение электронного государства в равной степени влечет за собой необходимость автоматизации принятия решений. Из этого следует, что при реализации концепции электронного государства необходимо четко определить степень, в которой должно быть установлено слияние традиционных и автоматизированных процессов принятия решений, и в каких конкретных областях государственного управления этому следует отводить решающее значение.

Справедливо утверждать, что поскольку государственные органы разного уровня структурно отличаются друг от друга и выполняют разные функции, уровень электронной готовности может быть неодинаковым на различных уровнях. В этой степени функциональная совместимость или интерфейс различных систем электронного государства внутри государственного сектора и за его пределами создает дополнительные юридические дилеммы и проблемы безопасности.

Механизмы электронного государства помогают способствовать конструктивному гражданскому диалогу и взаимодействию между общественностью и государственными чиновниками. Это полезно для эффективного управления. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий привело к возникновению потребности в более быстрой и легкодоступной информации о государственных функциях и институтах. Это нашло своё проявление как минимум в том, что государственные органы имеют веб-сайты и страницы в социальных сетях с подробным описанием их функций и обязанностей. Те или иные официальные интернет-ресурсы выступают в качестве информационных центров по широкому спектру государственных услуг. Также на современном этапе есть возможность подавать документ в государственные органы в электронной форме. Предусмотрены механизмы обработки онлайн-запросов, электронных налоговых платежей и это лишь малая часть того, что позволяет уже сейчас свести к минимуму трату времени в длинных очередях и погрязнуть в

---

¹ Киселёв А.С. Современные теоретические подходы к понятию электронного государства // Актуальные проблемы российского права, 2018. № 6 (91). С. 33.

бюрократической волоките. В качестве примера в РФ могут выступать системы электронного правосудия «МойАрбитр» и «ГАС Правосудие», интернет-приёмные ФССП, органов прокуратуры, сервисы ФНС для получения сведений из ЕГРИП и ЕГРЮЛ.

Одной из немаловажных функций электронного государства является доступность к нормативно-правовой базе актуальных документов и системам электронного правосудия. Так, возможно получить: 1) бесплатный доступ к законам и нормативным актам в режиме онлайн, который включает в себя предоставление более широкого доступа общественности к юридическим материалам и консультациям в форме онлайн-юридической помощи; 2) электронная правовая отчетность, которая охватывает законодательные акты и судебные решения, находящиеся в свободном доступе для широкой общественности; 3) юридические заключения в режиме онлайн для поддержки предоставления юридической помощи и юридических услуг сообщества, которые могут быть автоматизированы, интерактивны или управляться вручную, но обрабатываться онлайн.

Справедливо отметить, что электронное государство, не являясь конкретным органом государства, выступает в качестве индикатор эффективности функционирования государственного механизма. К примеру, в России должностные лица и их подчиненные в последние годы реагируют не только на электронные обращения граждан, но и на комментарии к постам на своих страницах и иные публикации в социальных сетях¹.

Роль судебной власти как конституционного органа правительства и независимого и беспристрастного арбитра в спорах формирует отдельный орган электронного государства. Роль судебной власти в поддержании верховенства закона, благого управления и демократии невозможно переоценить, будь то в развитых или развивающихся странах. По этой причине роль электронного государства по отношению к судебной системе проявляется в трех основных областях: (а) системы поддержки информационно-коммуникационных технологий для записи обычных или официальных судебных разбирательств и подачи судебных документов, не вызывающих споров; (б) разработка и использование процессуальных норм, которые поддерживают признание электронных доказательств в исках по гражданскому и административному праву и в качестве основы для урегулирования таких споров. (с) использование автоматизированных электронных судебных решений без человеческого интерфейса - возможность в будущем. Опыт осуществления судебного производства в период пандемии в 2020 году как первая ступень на таком пути. В этом ключе следует отметить,

---

¹ Касимов, Т. 2020. Теоретико-правовые аспекты цифрового государства и электронного правительства. Правовое государство: теория и практика. 16, 4-1 (апр. 2020), С. 126.

что, к примеру, период пандемии COVID-19 привел к значительному увлечению масштабов цифровых технологий в результате перехода на дистанционную работу огромного числа людей, в том числе работающих в системе механизма государства – чиновников и работников госучреждений. Получило развитие электронное правосудие. Судам было рекомендовано проводить судебные заседания с использованием систем видео-конференц-связи. Также появилась возможность подавать в судебные инстанции любые документы в электронном формате, о чём уже указывалось ранее.

Еще одним важным аспектом электронного государства является система электронного голосования. Традиционная система голосования и система ручного голосования имеют свои сильные стороны и еще некоторое время будут продолжать занимать первостепенные роли. Однако сопутствующие проблемы, связанные с подтасовкой результатов голосования, фальсификацией результатов выборов и общей апатией к традиционной системе голосования, могут в долгосрочной перспективе способствовать популяризации электронной альтернативы. Система электронного голосования также не лишена своих проблем. В этом контексте в первую очередь необходимо решить вопросы, касающиеся цифрового доступа и цифрового разрыва между крупными городами и, например, отдаленными сельскими поселениями, проблемы безопасности электронных голосований и процедур подсчета голосов, а также безопасности систем электронного голосования с точки зрения аутентификации подписи и личности. Установить целостность системы электронного голосования как неотъемлемой части любой структуры электронного государства, утверждалось, что в дополнение ко всем другим мерам защиты он должен также оставлять бумажный след. Финансовые и эксплуатационные последствия этого требования будут огромными для субъектов с ограниченными бюджетами.

Понимание того, что необходимо сделать для обеспечения того, чтобы электронное государство было эффективным и значимым для жизни людей, также требует анализа проблем и перспектив системы. Именно на этом фоне обсуждаются следующие моменты.

Стоимость программного обеспечения и оборудования имеет фундаментальное значение и окажет серьезное влияние на поступательное развитие электронного государства. На данный момент, за исключением нескольких стран, в подавляющем большинстве не существует конкретной национальной политики в этой области. В этом смысле создание общества, основанного на знаниях и компьютерной грамотности, не является первоочередной задачей для таких государств. Эту тенденцию необходимо обратить вспять: путем уделения приоритетного внимания информационно-коммуникационным технологиям; разработки благоприятной правовой базы; и предоставление надлежащих стимулов частному сектору для поддержки электронных транзакций как на федеральном уровне, так и на уровне субъекта.

Создание соответствующих структур электронного государства в виде порталов для онлайн-юридических, судебных, корпоративных услуг и услуг для голосования будет способствовать расширению доступа к государственным услугам. Это также ускорит использование этих услуг широкой общественностью ввиду относительной скорости, с которой они могут быть обработаны. Это хорошо не только для экономики, но и помогает повысить качество государственных услуг.

Вырабатываемые механизмы электронного государства обладают потенциалом для улучшения предоставления государственных услуг. Это будет плюсом для демократии, поскольку оно также может способствовать эффективному управлению и прозрачности, связывая государственный и частный секторы в режиме онлайн. Поэтому государственный сектор региона должен в полной мере использовать возможности, предоставляемые Интернетом. Создание электронного государства будет способствовать гражданскому взаимодействию между должностными лицами органов государственной власти. Это особенно необходимо в отдаленных и сельских местностях, которые находятся далеко от основных муниципальных и административных центров субъектов. Структуры электронного государства помогут приблизить государственные услуги к людям, что приведет к эффективному управлению благодаря прозрачности, большему и свободному потоку публичной информации.

Помимо этого, важно отметить в контексте развития электронного государства технические вопросы, которые касаются безопасности, целостности данных и конфиденциальности. Эти вопросы очень важны не только для развития, но и для функционирования структур электронного государства в регионе. Поскольку решения, регулирующие различные аспекты жизни людей, автоматизированы, источник и полномочия решений, принимаемых онлайн, должны быть легко идентифицируемы. Использование технологий для совершения транзакций онлайн повлекло за собой проблему идентификации пользователя. Это особенно важно из-за удаленного характера транзакции, физического расстояния, разделяющего стороны, и возможности вносить мгновенные изменения в электронные документы практически без обнаружения. Фактор затрат, связанный с внедрением надежной системы электронной идентификации, в течение некоторого времени будет вызывать подозрения в отношении этой технологии, по крайней мере, с юридической точки зрения. Возможно, одним из путей продвижения вперед станет создание регионального агентства по аутентификации, которое обеспечит интеграцию, оптимизацию ресурсов и экономию затрат.

Из вышеизложенного вытекает также проблема написания и аутентификации цифровых подписей, которая в равной степени очень важна для функционирования электронного государства. Использование закрытых и открытых ключей, закодированных в электронных документах, для проверки

подлинности электронных транзакций широко рассматривается как средство обеспечения целостности онлайн-транзакций и деловых сделок. Хотя технология шифрования также помогает процессу аутентификации цифровых подписей, однако для поддержки перехода от обычных систем подписи к электронным потребуются соответствующие законы.

Существуют и другие проблемы, связанные с созданием электронных баз данных и управлением ими, будь то для использования государственным или частным сектором. Фундаментальная проблема здесь связана с целостностью данных. Крайне важно, чтобы база данных была точной и актуальной, поскольку это помогает предотвратить мошенничество, несанкционированный доступ или неправильное использование. Поскольку структуры электронного государства собирают и обрабатывают огромное количество данных и делают это из различных источников, целостность электронных записей, следовательно, должна быть предметом первостепенного внимания при создании надежных онлайн-государственных систем и сервисов и управлении ими.

При этом важно понимать, что развитие электронного государства в каждой конкретной стране, прежде всего, зависит от ее экономического развития. Пакистанские исследователи, полагая, что искусственный интеллект можно рассматривать как лучшее средство для инновационных реформ государственного сектора, констатируют, что отрицательный эффект оказывают только бюджетные ограничения и политическое влияние¹. Бедность и отсутствие политической воли у власти в авторитарных и недостаточно демократических государствах не способствуют улучшению ситуации с электронным правительством.

Исходя из вышеизложенного, можно однозначно утверждать, что в современной динамичной экономике и социальной жизни бывают случаи, когда необходимо принимать быстро, а самое главное взвешенно решения по ключевым вопросам государственного управления. Это требует, в первую очередь, оперативного анализа целого массива информации из цифровых поисковых систем. Другие причины для внедрения цифровых технологий – экономическая целесообразность, необходимость сокращения аппарата государства, улучшения качества государственных услуг, повышения качества и уровня жизни². Последовательная и всесторонняя реализация концепции

---

¹ Abbas S.K., SafdarT, Shafiq M. How Does AI and Robotics Will Sustain in Government Organizations? Future Prospective of AI in Pakistan's Public Sector. *Journal of Critical Reviews*, 2020, vol. 7, iss. 18, pp. 149–157.

² Пастухов П. С., Лосавио М. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2017. Вып. 36. С. 231–236.

электронного государства однозначно поможет обеспечить вышеназванные условия государственного управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мусихина И. А. «Электронное правительство» как способ взаимодействия органов власти с гражданами // *Инновационные технологии в управлении: сборник научных статей / под ред. Е. В. Марченко. Вып. 2. М: Макс Пресс, 2016. С. 225—228.*
2. Киселёв А.С. Современные теоретические подходы к понятию электронного государства // *Актуальные проблемы российского права, 2018. № 6 (91). С. 33.*
3. Касимов, Т. 2020. Теоретико-правовые аспекты цифрового государства и электронного правительства. *Правовое государство: теория и практика. 16, 4-1 (апр. 2020), С. 126.*
4. Abbas S.K., Safdar T, Shafiq M. How Does AI and Robotics Will Sustain in Government Organizations? Future Prospective of AI in Pakistan's Public Sector. *Journal of Critical Reviews, 2020, vol. 7, iss. 18, pp. 149–157.*
5. Пастухов П. С., Лосавио М. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // *Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 231–236.*

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342

Долидзе Тимур Юрьевич,
аспирант Международного юридического института
xacccep@me.com

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Аннотация. В статье исследуются конституционные проблемы обеспечения эффективности юридической помощи. Автор доказывает, что в цепочке взаимодействия «адвокат – клиент», как правило, более заметно прослеживается фактор доверия. Если адвокат осуществляет свою деятельность «эффективно» – клиент ему доверяет, опираясь на презумпцию достаточной квалифицированности оказываемой юридической помощи, пока факты эмпирической действительности не станут свидетельствовать об обратном. В случае же с деятельностью нотариусов доверие как бы в большей степени предполагается, поскольку доверитель опирается на авторитет конкретного нотариуса как представителя квалифицированного сообщества нотариусов в целом, которое способно как единая система обеспечить преемственное правосудие.

Ключевые слова: конституционализм, права человека, юридическая помощь, адвокатура, нотариат.

Dolidze Timur Yurievich,
postgraduate student of the International Law Institute

PROBLEMS OF ENSURING THE EFFECTIVENESS OF LEGAL AID

Abstract. The article examines the constitutional problems of ensuring the effectiveness of legal assistance. The author proves that in the chain of interaction "lawyer - client", as a rule, the factor of trust is more noticeable. If a lawyer carries out his activities "effectively" - the client trusts him, based on the presumption of sufficient qualification of the legal assistance provided, until the facts of empirical reality begin to testify to the contrary. In the case of the activities of notaries, trust, as it were, is assumed to a greater extent, since the principal relies on the authority

of a particular notary as a representative of a qualified community of notaries, which can provide preventive justice as a single system.

Key words: constitutionalism, human rights, legal assistance, advocacy, notaries.

Проблемы эффективности механизмов юридической помощи ставятся в юридической науке в различных аспектах: в рамках международного права и международно-правовых обязательств стран-участников¹, в аспекте внутригосударственного регулирования (например, в вопросах оказания бесплатной юридической помощи)². Вопрос об эффективности поднимается по отношению к таким объектам, как «институт квалифицированной юридической помощи»³, «право на оказание квалифицированной юридической помощи»⁴, «правовое регулирование» отношений в сфере оказания юридической помощи⁵, сама «защита» интересов клиента в суде⁶ и др. Подчеркнем, что эти и ряд других объектов не являются тождественными.

Эффективность правового регулирования оказания юридической помощи и эффективность самой юридической помощи – разные правовые требования, которые обращены к различным субъектам конституционных правоотношений (в первом случае – к законодателю, во втором – к адвокатам и другим профессиональным участникам рынка юридических услуг). Вполне логично, на наш взгляд, говорить об эффективности «института» квалифицированной юридической помощи, но этот вопрос является более широким, чем проблема эффективности деятельности конкретного юридического защитника. Наконец, нельзя согласиться даже с самой постановкой вопроса об эффективности

---

¹ Руководящие принципы Комитета министров Совета Европы, касающиеся эффективности механизмов юридической помощи в гражданском и административном праве // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2021. № 9. С. 143-146.

² Бердникова Г.Д. Проблемы эффективности оказания бесплатной юридической помощи // Система бесплатной юридической помощи в Пермском крае: проблемы, поиски, перспективы. – Пермь, 2015. С. 65-68.

³ Асанова Д.Н. Проблема эффективности института квалифицированной юридической помощи и пути его совершенствования // Вестник Евразийской академии административных наук. 2021. № 2. С. 33-37.

⁴ Стельмах В.Ю. Некоторые проблемы повышения эффективности реализации гарантированного Конституцией права на оказание квалифицированной юридической помощи // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений. – М., 2013. С. 388.

⁵ Атагимова Э.И., Рыбакова О.С. К вопросу о повышении эффективности правового регулирования отношений в сфере оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4. С. 8-21.

⁶ Шепелева О.С. Дело Васенин против России: эффективность защиты и качество бесплатной юридической помощи. Комментарий к постановлению ЕСПЧ от 21 июня 2016 года (жалоба № 48023/06) // Международное правосудие. 2016. № 4. С. 3-11.

субъективного права на оказание юридической помощи. Субъективное право не может быть эффективным или не эффективным. Оно просто либо есть, либо его нет. Праву на оказание юридической помощи корреспондируют соответствующие юридические обязанности субъектов конституционных правоотношений, которые возникают, изменяются или прекращаются вследствие наступления юридических фактов. Однако эффективность реализации (как верно утверждает цитируемый выше В.Ю. Стельмах) субъективного права как юридическое требование существует, оно является допустимым в конституционной теории, законодательстве и правоприменительной практике.

Термин «эффективность» изначально и первоначально является экономическим. В самом общем значении он предполагает соотношение полученных результатов и затрат труда. В экономической науке эффективность исчисляется, измеряется и является математической величиной. Очевидно, что в юридической науке, особенно применительно к оценке деятельности адвокатов и других профессиональных участников рынка оказываемых гражданам и организациям юридических услуг, в таком виде, истолкование термина «эффективность» не является приемлемым. Деятельность юридических представителей нельзя оценивать строго математически, опираясь на методологию обеспечения рынков сбыта продукции или серийных производств.

Адвокат может выиграть дело, затратив на него несколько часов, и его деятельность будет эффективной. Юридический представитель может также выиграть дело, но потратив на него несколько лет подготовительной работы. И это тоже, при определенных обстоятельствах, выглядит как показатель эффективности. В сущности, даже сам по себе выигранный процесс – тоже не однозначный показатель эффективности юридического представительства, потому что цели вовлечения в судебный процесс могут быть иными (выиграть время, минимизировать риски, воздействовать на процессуального оппонента самим фактом возбуждения судебной тяжбы и т.п.). В связи с этим полагаем, что вопрос об эффективности при оценке деятельности профессиональных участников оказания юридической помощи должен пониматься как проблема «продуктивности деятельности», «достижения намеченных целей целесообразными средствами». С данной трактовкой сопряжены определенные проблемы как юридического, так и морально-нравственного свойства.

Прежде всего, эффективность юридической защиты может и должна связываться с выигранным или проигранным процессом в суде. Если участие юридического представителя осуществляется только «для видимости», «для соблюдения проформы», но не для достижения результата – такое представительство, в подавляющем большинстве случаев, нельзя признать «эффективным» с моральной и юридической точек зрения. При этом понятие

«выигранный процесс» нуждается в определенной дифференциации. Так, в уголовном судопроизводстве процесс можно считать условно «выигранным» не обязательно при условии вынесения оправдательного приговора суда, но также в случаях существенного снижения мер уголовной ответственности по сравнению с требуемыми прокурором, при переквалификации деяния на менее общественно опасное, вообще при существенном опровержении доводов процессуального оппонента и принятии этой аргументации судом как доказанных юридических обстоятельств. Если адвокат или другой профессиональный представитель добивается в суде поставленных целей и его вмешательство действительно влияет на материально-правовое положение представляемого лица – можно с полным правом говорить об эффективности оказываемой клиенту юридической помощи.

Рассуждая о методике оценки эффективности оказываемой юридической помощи, А.П. Галоганов и В.Б. Рыбко обращают внимание на тот факт, что «устные консультации» юристов не всегда следует квалифицировать в качестве «защиты законных интересов», потому что сама по себе устная консультация результата не дает, оспариваемые или нарушенные права фактически не защищаются¹. Необходимо доведение дела до суда или другой официальной инстанции, которая вынесла бы правоприменительное решение в пользу заявителя. С этим можно было бы согласиться, но данное суждение применимо далеко не к любым ситуациям и правовым проблемам, особенно если речь идет о досудебных примирительных процедурах, определенных уступках со стороны контрагента и фактическом повороте обстоятельств в пользу заявителя. Полагаем, что «эффективность» в данном случае означает выбор юридическим консультантом оптимальных средств правовой защиты, среди которых обращение к официальным властям не всегда является единственно правильным и рациональным. Судебная форма защиты нарушенных или оспариваемых прав – не самоцель в юридическом консультировании, хотя она всегда предполагается на гипотетическом уровне, поскольку стороны уступают друг другу ввиду наличия высокой вероятности будущего судебного разбирательства.

Э.И. Атагимова и О.С. Рыбакова не без оснований утверждают, что при оценке эффективности оказываемой юридической помощи следует учитывать «фактор социализации индивида» и «повышение уровня правовой грамотности населения»². Полагаем это весьма важным обстоятельством.

---

¹ Галоганов А.П., Рыбко В.Б. Методика оценки эффективности оказания бесплатной юридической помощи // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 3. С. 15.

² Атагимова Э.И., Рыбакова О.С. К вопросу о повышении эффективности правового регулирования отношений в сфере оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4. С. 9.

Конституционный смысл оказываемой юридической помощи гражданам заключается не только в том, чтобы защитить права и законные интересы конкретного индивида. Подобное истолкование термина «эффективность» приводит к его зауженной интерпретации, опирающейся на гражданско-правовую методологию в ущерб важным публичным интересам. Состояние защищенности конституционных прав и свобод граждан – фундаментальная и генеральная цель государства и права, достижение которой обеспечивает доверие гражданского общества к публичным властям, устойчивость правопорядка и даже, отчасти, конституционную безопасность. Граждане должны быть уверены в позитивной направленности деятельности государственного аппарата, его устремленности к гарантированию прав и законных интересов всех граждан на равных основаниях и без какой-либо дискриминации. Если гражданин обращается за профессиональной юридической помощью – он тем самым одновременно социализируется, «задумывается» о своем правовом положении, правах и обязанностях в условиях человеческого общежития, становится более просвещенным в практической юриспруденции. Полагаем, что юридическая помощь аппаратов государственных органов при рассмотрении ими жалоб, заявлений и предложений граждан направлена, главным образом, на достижение именно публично-правовых целей, не на реализацию гражданско-правового интереса. Однако и адвокаты, а также другие профессиональные участники рынка юридических услуг – обеспечивают реализацию публичного интереса, что должно учитываться при оценке эффективности их деятельности.

По мнению Н.И. Чеботаревой, эффективность юридической помощи «лежит в плоскости соотношения целей и средств их достижения»¹. Эффективность при такой интерпретации – это результативность, достаточное качество, что следует измерять, во-первых, с участием гражданина в процессе с адвокатом или без него, во-вторых, с выплачиваемым судебному представителю вознаграждением. При такой логике очевидно, что, если права и законные интересы защищаются примерно одинаково без обращения к профессиональному юридическому представителю и с его участием, – соответствующая деятельность поверенного не может считаться эффективной. Кроме того, явно несоразмерный гонорар также свидетельствует об отсутствии надлежащего «качества» оказываемых услуг. Каким же образом это должно обеспечиваться в демократическом обществе? Необходим ли здесь исполнительно-распорядительный контроль со стороны государственных органов управления юстицией? Вмешательство профессионально-корпоративного сообщества? Или это следует гарантировать самостоятельно, за счет самоуправления и конкуренции на рынке платных юридических

---

¹ Чеботарева И.Н. Защита по назначению: правовые позиции Европейского суда по правам человека и российская практика // Адвокатская практика. 2018. № 4. С. 61.

услуг? Ответы на данные вопросы в практической жизни даются дифференцированные, законодательство же ясных и четких указаний в этом отношении не дает.

Полагаем, что в законодательстве и связанной с ним правоприменительной практике следует разграничивать проблемы целесообразности и законности. Эффективность оказываемой юридической помощи может объявляться законодателем в качестве юридического требования, вслед за чем может последовать законодательно обоснованный исполнительно-распорядительный или корпоративно-профессиональный контроль. Однако если это и допустимо в демократическом обществе, то лишь до определенных пределов, за пределами которого должны оставаться достаточная дискреция поверенного в вопросах обеспечения эффективности его деятельности. В противном случае правоприменительная практика будет необоснованно смешивать понятия целесообразности и законности, лишая субъектов конституционных правоотношений надлежащей самостоятельности и свободы усмотрения.

В цепочке взаимодействия «адвокат – клиент», как правило, более заметно прослеживается фактор доверия. Если адвокат осуществляет свою деятельность «эффективно» – клиент ему доверяет, опираясь на презумпцию достаточной квалифицированности оказываемой юридической помощи, пока факты эмпирической действительности не станут свидетельствовать об обратном. В случае же с деятельностью нотариусов доверие как бы в большей степени предполагается, поскольку доверитель опирается на авторитет конкретного нотариуса как представителя квалифицированного сообщества нотариусов в целом, которое способно как единая система обеспечить превентивное правосудие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асанова Д.Н. Проблема эффективности института квалифицированной юридической помощи и пути его совершенствования // Вестник Евразийской академии административных наук. 2021. № 2.
2. Атагимова Э.И., Рыбакова О.С. К вопросу о повышении эффективности правового регулирования отношений в сфере оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4.
3. Атагимова Э.И., Рыбакова О.С. К вопросу о повышении эффективности правового регулирования отношений в сфере оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4.

4. Баева Н.А. Состояние судебной системы и судопроизводства как фактор, определяющий эффективность правозащитной деятельности присяжной адвокатуры // Судебная власть и формы ее реализации в России. – М., 2011.
5. Бердникова Г.Д. Проблемы эффективности оказания бесплатной юридической помощи // Система бесплатной юридической помощи в Пермском крае: проблемы, поиски, перспективы. – Пермь, 2015.
6. Власов А.А. Адвокатура и размышления к поправкам в Конституцию Российской Федерации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 2.
7. Галогинов А.П., Рыбко В.Б. Методика оценки эффективности оказания бесплатной юридической помощи // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 3.
8. Исамагомедов А.М., Клименко Р.А. Проблемы совершенствования адвокатской деятельности и правового регулирования адвокатуры в Российской Федерации // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия: Общественные науки. 2017. Т. 32. № 2.
9. Кирвель И.Ю. Направления повышения эффективности функционирования нотариата в Республике Беларусь // Проблемы гражданского права и процесса. – Гомель, 2017.
10. Лагодина Е.И. Правовое регулирование нотариальной деятельности: проблемы и эффективность // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2014. № 4.
11. Магомедова Е.А., Воробьева М.О., Зайцева М.А. Адвокатура как институт гражданского общества: проблемные аспекты // Современный ученый. 2021. № 4.
12. Ревина И.В., Анпилогова С.С. Основные направления преодоления профессиональной деформации как средство повышения эффективности адвокатской деятельности // Инновационная научная деятельность. – М., 2011.
13. Синцов Г.В., Фролов Д.В. Особенности международно-правовых актов, регулирующих деятельность адвокатуры // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 3.
14. Скачкова О.С., Емелина Д.И. Ответственность нотариуса как условие эффективности системы нотариата // Актуальные проблемы правопедания. 2016. № 2.
15. Стельмах В.Ю. Некоторые проблемы повышения эффективности реализации гарантированного Конституцией права на оказание квалифицированной юридической помощи // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений. – М., 2013.

16. Сысоева Т.В., Мацак Л.В. Основные направления повышения качества и эффективности адвокатской деятельности в адвокатских кабинетах // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 3.
17. Цзян С. Актуальные вопросы становления института адвокатуры в Китае // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 2.
18. Чеботарева И.Н. Защита по назначению: правовые позиции Европейского суда по правам человека и российская практика // Адвокатская практика. 2018. № 4.
19. Шамба Т.М. Адвокатура как элемент системы правового государства: российские реалии и проблемы начала XXI века // Евразийская адвокатура. 2017. № 3.
20. Шепелева О.С. Дело Васенин против России: эффективность защиты и качество бесплатной юридической помощи. Комментарий к постановлению ЕСПЧ от 21 июня 2016 года (жалоба № 48023/06) // Международное правосудие. 2016. № 4.

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО / ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.7

Алексеева Анна Анатольевна,
магистрант Международного юридического института
alekseeva.anna.1979@mail.ru

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА СЕКРЕТА ПРОИЗВОДСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье подводятся итоги исследования исторического пути развития такой правовой категории, как секрет производства в России и его защита, отслеживается долгий и не всегда последовательный путь создания нормативно правовой базы, регулирующей данные отношения.

Ключевые слова: воинская тайна, государственная тайна, военная тайна, коммерческая тайна, фабричный секрет.

Alekseeva Anna Anatolyevna,
graduate student of the International Law Institute

"KNOW-HOW" IN MODERN LAW: CHARACTERISTICS OF DEFINING FEATURES

Abstract. The article summarizes the results of the study of the historical path of development of such a legal category as the secret of production in Russia and its protection, follows a long and not always consistent path of creating a regulatory framework regulating these relations.

Keywords: military secret, state secret, military secret, trade secret, factory secret.

Если рассматривать понятие ноу-хау, как интеллектуальную собственность, то, пожалуй, данный объект можно отнести к одному из самых древних, так как можно предположить, что еще во времена, когда наши предки мастерили дубину из обломка дерева, уже тогда кто-то из древних людей понимал, что его дубина, выломанная из корневища живого дуба и замоченная в воде крепче и тяжелей чем из сухого тростника сделанная его

соплеменником, и этот факт от него лучше скрыть, чтобы быть более успешным в охоте и обычной драке.

Если же более серьезно, то еще до нашей эры были упоминания секрета производства и за тысячелетия формировалось и трансформировалось понятие «ноу-хау», появлялись зачатки того, что в современной правовой системе получило достаточно четкое определение, отраженное в нормативно-правовых документах. Постараемся рассмотреть более детально этот путь развития.

Рассматривать один из первых секретов производства, который по мнению ученых-правоведов является наиболее ярким, то, к таким секретам относят секрет производства китайского шелка. Это действительно яркий пример, так, как на нем мы можем увидеть, как технологии и секреты производства, скрытые от других государств в течение многих веков, являлись для Китая огромной статьей дохода. Секреты передавались устно, создавались условия, при которых все производство сохранялось в максимальной тайне.

Исследуя первые примеры создания простейшей кодификации законов, защищающих права на секрет производства, то, пожалуй, можно отметить те законы, которые были созданы в Древнем Риме. Данные законы предусматривали штраф за то, что кто-то пытался принудить чужих рабов выдать тайну хозяина.

Что же касается России, то до начала 18 века защита законом секрета производства практически отсутствовала. Изменения произошли во время правления Петра I, который на основе европейского опыта принял сразу несколько нормативных актов, в которых были закреплены и урегулированы сразу несколько видов тайн, которые до этого момента не были известны в России. Первой была урегулирована воинская тайна. Положения о воинской тайне содержались в Артикуле воинском (1715 г.) и Уставе морском (1720 г.). В данных документах давалось понятие воинской тайны и устанавливался запрет ее разглашения. Далее в Уставе о службе гражданской от 1720 года были урегулированы военная и государственная тайны. Этим же документом вводится и понятие коммерческой тайны, то есть охраняемое законом раскрытие коммерческих операций и соответствующих сведений о них.

Установление Уголовное от 1845 года в ст. 1626 содержало положения о коммерческой тайне.

В 1885 году было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, в котором положения о коммерческой тайне содержались сразу в нескольких статьях. Этим же документом была определена уголовная ответственность для должностных лиц некоторых видов предприятий за разглашение коммерческой тайны. Так, ответственности подлежали служащие кредитных организаций, промышленных предприятий, различных публичных организаций, которые имели доступ к соответствующим сведениям либо последние стали им известны в процессе работы.

В Российской империи законом охранялись торговые тайны и фабричные секреты, при помощи которых предприятие закрепляло свое положение среди конкурентов и обеспечивало себе необходимый сбыт. Для предотвращения протечки тайны устанавливались следующие виды воздействий:

- предохранительное, то есть запрещалось допускать посторонних людей к торговым книгам, установление запрета для служащих разглашать определенные тайны и пр.

- восстановительное, то есть взыскание причиненных убытков и применение различных уголовных наказаний.

Окончательно законодательство, охраняющее тайны, сформировалось в середине 19-начале 20 вв. В законодательстве того времени также была установлена ответственность за нарушения сохранения тайны. В это время были сформированы нормы о правовой защите частной жизни, которая теперь охранялась законом. Так, появились отдельные виды тайн, например, адвокатская, врачебная, тайна нотариусов и пр.

В Уложении о наказаниях общего определения от 1845 года за разглашение коммерческой тайны также была установлена уголовная ответственность. Подлежали наказанию такие действия лица, которые своей целью имели раскрытие коммерческой тайны либо своей целью имели преждевременную огласку информации о сделке против воли ее сторон. В этих случаях субъект привлекался к уголовной ответственности.

В Советской России, то есть после Октябрьской революции, положения о коммерческой тайне еще существовали. Однако после окончания периода НЭПа все организации и предприятия стали государственной собственностью, а потому в отношениях между ними уже не применялись понятия коммерческой тайны, понятие ноу-хау и прочие аналогичные термины.

Принятые в 1922 и 1964 годах Гражданские кодексы, а также основы гражданского законодательства СССР положений о секретах производства не содержали совсем и соответствующие правоотношения никак не регулировали. Однако, в Инструкции о порядке работы по продаже лицензий и оказанию услуг типа инжиниринг, утв. Государственным комитетом СССР по делам изобретений и открытий 26 января 1979 г., имелось понятие ноу-хау. В данном нормативном акте не был закреплен закрытый перечень объектов, которые могли являться ноу-хау, что существенно мешало их идентификации.

Введение понятия коммерческой тайны стало необходимым перед распадом СССР. В 1990 году был принят закон "О предприятиях в СССР", где и было закреплено понятие коммерческой тайны. При этом ответственности за разглашение соответствующих сведений законодательство не устанавливало.

В 1990 году принимается Закон "О предприятиях и предпринимательской деятельности". С его принятием предприятия получили возможность отказывать в предоставлении информации, если она отнесена к категории

секретной. Перечень секретной информации определялся руководителем предприятия, то есть для каждого он был свой.

В 1991 году в Постановлении Правительства РФ № 35 был утвержден перечень сведений, которые не могли относиться к коммерческой тайне. Причем эти положения применялись к предприятиям и к предпринимателям.

В 1991 году были приняты основы гражданского законодательства СССР и республик. Коммерческая тайна здесь именовалась секретом производства (ноу-хау). В данном документе рассматриваемому вопросу была посвящена ст. 151, однако в ней содержались только общие положения о коммерческой тайне, например, ее признаки, срок охраны, ответственность за незаконное использование ноу-хау. Между тем, указанной нормы было мало для надлежащего правового регулирования тех правоотношений, которые касались секретов производства. В положениях ст. 151 Основ не было указаний относительно распоряжения исключительными правами, не было положений о служебном ноу-хау, не было положений об ответственности лиц, создавших секрет производства, либо лиц, которые узнали секрет производства в ходе своей служебной или трудовой деятельности.

В 1994 году был принят Гражданский кодекс Российской Федерации, который стал весьма серьезной ступенью развития правового регулирования ноу-хау. Кроме самого понятия ноу-хау в ГК РФ имелись нормы об ответственности за нарушения в данной сфере. Получившие незаконным образом информацию лица, а также те работники и служащие, которым соответствующая информация стала известна по долгу службы, были обязаны возместить убытки в случае ее разглашения.

Часть 4 ГК РФ была введена в 2006 году. Содержащиеся в ней нормы оказали большое влияние на законодательство того времени. Так, с принятием четвертой части ГК РФ была упразднена ст. 139 ГК РФ, посвященная охране коммерческой и служебной тайны. При этом информация была исключена из закрепленного перечня объектов гражданских прав.

Принятый закон о коммерческой тайне содержал описание правового режима коммерческой тайны, был закреплен порядок установления такого режима, а также определены меры ответственности за нарушение соответствующих норм. После внесения в данный закон некоторых поправок та информация, которая относилась к коммерческой тайне, формально уже не относилась к секретам производства.

Подводя итог и сублимируя исследования исторического пути развития такой правовой категории как секрет производства в России и его защита, мы можем отследить долгий и не всегда последовательный путь создания нормативно правовой базы, регулирующей данные отношения. Можно отметить, что данная база существует и работает. Но назвать ее совершенной пока не представляется возможным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31.05.1991 № 2211-1 (документ утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.
2. О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2006 года № 231-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5497.
3. О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 12.03.2014 № 35-ФЗ//Российская газета, № 59, 14.03.2014.
4. Купатов Г.Р. Секрет производства: понятие и пути защиты. – Экономика и право, сборник статей. 2021.
5. Наймушина Д. В. История развития института ноу-хау // Актуальные исследования. 2022. №8 (87). С. 12-14. URL: <https://apni.ru/article/3780-istoriya-razvitiya-instituta-nou-khau>

УДК 347.415

Новикова Валентина Вячеславовна,
магистрант Международного юридического института
decid@yandex.ru

Колябин Алексей Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Волжского филиала Международного юридического института
alkolyabin@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ ДОГОВОРА УСТУПКИ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ

Аннотация. Данная статья посвящена изучению содержания договора уступки права требования. На основе анализа норм законодательства и правоприменительной практики, проанализированы основные проблемные вопросы прав и обязанностей cedentа и цессионария. Сформулированы выводы в отношении системы прав и обязанностей сторон, совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: цессия, право требования, уступка права требования, cedent, цессионарий.

Novikova Valentina Vyacheslavovna,
graduate student of the International Law Institute

Kolyabin Alexey Yurievich,
candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
The Volga branch of the International Law Institute

CONTENT OF THE AGREEMENT OF ASSIGNMENT OF THE RIGHT OF CLAIM

Abstract. This article is devoted to the study of the content of the contract of assignment of the right to claim. Based on the analysis of the norms of legislation and law enforcement practice, the main problematic issues of the rights and obligations of the assignor and assignee are analyzed. Conclusions are formulated regarding the system of rights and obligations of the parties, improvement of legal regulation in this area.

Keywords: assignment, the right to claim, assignment of the right to claim, assignor, assignee.

Содержание договора уступки права требования составляют права и обязанности его сторон. В первую очередь, необходимо отметить, что в отношении уступки права требования, Федеральным законом от 21.12.2013 № 367-ФЗ¹ была введена ст. 389.1 ГК РФ² «Права и обязанности cedentа и цессионария», в п. 1 которой определено, что «взаимные права и обязанности cedentа и цессионария определяются настоящим Кодексом и договором между ними, на основании которого производится уступка».

Можно видеть, что данная норма содержит только общие положения относительно должностований сторон и правомочий, в свою очередь на усмотрение сторон остается детальное регулирование. Права и обязанности сторон по договору цессии зависят от его природы и особенностей, которые присущи конкретному виду уступки прав в зависимости от договора – основание цессии может быть, возмездной так и безвозмездной, так и реальной и консенсуальной.

Как отмечает П.В. Крашенинников, в соответствии с ГК РФ к обязанностям cedentа относятся передача документов, которые подтверждают уступку права требования, оформленные надлежащим образом, а также сведений, необходимых для осуществления права. В противном случае цессионарий может отказаться от исполнения договора и потребовать возмещения убытков³.

Из анализа существующей практики следует, что достаточно часто при обращении в суд цессионария с заявлением о процессуальном правопреемстве, либо с исковыми требованиями предоставляется не заверенный надлежащим образом пакет документов, в силу чего суд отказывает в удовлетворении требований.

Помимо обязанностей первоначального кредитора, у него имеются права, в том числе право требовать предоставления встречного возмещения от цессионария (при возмездном договоре цессии).

Что касается цессионария, то он вправе требовать от cedentа передачи ему уступленного права. У него есть право истребования документов и информации, необходимых для реализации уступленного права, и обязанность по предоставлению встречного возмещения, обязанности уведомить должника о состоявшемся переходе права (требования), однако, последняя обязанность может быть исполнена и первоначальным кредитором.

Статья 389.1 ГК РФ содержит также положения о том, что право требования переходит к новому кредитору в момент заключения договора, если законом или договором не предусмотрено иное. Под иным в данном случае следует понимать, например, положения п. 2 ст. 388.1 ГК РФ, согласно

¹ Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6687.

² Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Крашенинников П.В. Очерки по торговому праву. – Ярославль, 2013. С. 188.

которой будущее требование переходит к цессионарию с момента его возникновения. Соглашением может быть предусмотрен более поздний момент перехода, либо право требования может перейти к цессионарию с момента регистрации договора или с момента оплаты по договору.

В литературе имеется множество различных точек зрения по вопросу перехода права требования к новому кредитору.

Так, Л.А. Новоселова, договор цессии характеризует как распорядительную сделку, говоря о том, что право требования переходит в момент совершения такого перехода¹.

В.А. Белов говорил о переходе права от первоначального кредитора к новому по достижении между сторонами соглашения по всем существенным условиям, считая договор цессии консенсуальным².

Стоит согласиться с мнением С.А. Пушиной, которая говорит о неуместном расположении условия о моменте перехода в статье, посвященной правам и обязанностям cedentа и цессионария, поскольку оно является условием договора, являющегося основанием для такого перехода, договора, порождающего обязательственное правоотношение между сторонами (основного договора), а значит, заслуживает особого внимания³. С.А. Пушина считает, что переход права требования от одного лица к другому является главной целью договора цессии, следовательно, необходимо данному положению отвести отдельную статью в главе 24 ГК РФ.

В соответствии с п. 3 ст. 389.1 ГК РФ, первоначальный кредитор обязан передать цессионарию все полученное от должника в счет уступленного требования, если иное, опять же, не предусмотрено договором. Необходимо отметить, что данная норма соотносится к одним из главных принципов гражданского права – принципом справедливости.

Цессионарий вправе переуступить полученное право требования либо осуществить самостоятельное взыскание задолженности. Достаточно много полномочий и возможностей предоставлено цессионарию, в свою очередь, у должника отсутствуют защитные механизмы, что нередко приводит к сомнительным действиям цессионария и ставит в сложное положение должника. Можно отметить, что данная проблема требует более детальной проработки равноправия цессионария и должника.

Изучая договоры цессии, заключенные между cedentом и цессионарием по кредитному договору, становится очевидным, что стороны предпринимает

---

¹ Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике: монография – М., 2018. С. 111.

² Белов В.Л. Сингулярное правопреемство в обязательстве: монография. – М., 2019. С. 123.

³ Пушина С.А. Основные положения об уступке прав требования // Актуальные исследования. 2022. № 2. С. 31.

все попытки для более детального урегулирования отношений посредством включения в договор всех условий, которые обеспечили бы защиту прав каждого.

Так, например, договору присваивается номер, указываются фамилия, имя и отчество каждой стороны, предмет договора, его цена, прописываются способы оплаты, права и обязанности сторон, согласно которым cedent передает все документы и сообщает сведения, относящиеся к предмету уступаемого права, уведомляет должника об уступке прав, а цессионарий, в свою очередь, обязан выплатить денежные средства первоначальному кредитору.

Необходимо включать в договор пункт о том, на кого ложится обязанность об уведомлении должника о переходе права требования, так как нормативная часть ГК РФ об уступке требования (цессии) не содержит императивного обязательства cedenta или цессионария касающегося уведомления должника о том, что правомочия кредитора по мерам обязательственного характера перешло иному лицу. Однако, в случае отсутствия уведомления должника о произошедшей цессии, новый кредитор имеет риск несения ответственности гражданско-правового характера.

Меры обязательственного характера должника заканчиваются перед прежним кредитором после последнего исполнения обязательства. Первоначальный кредитор обязан в письменном виде уведомить должника о произошедшей уступке требования.

В случае отсутствия надлежащего уведомления должника о переходе обозначенных прав иному лицу со стороны первоначального кредитора, должник продолжает исполнять свои обязательства перед прежним кредитором и не несет ответственность перед новым кредитором. Вместе с тем, при отказе cedenta от принятия обязательства в обозначенных условиях, должник не считается просрочившим сроки исполнения обязательства.

С учетом изложенного следует, что в случае исполнения обязательства перед первоначальным кредитором, новый кредитор не имеет право требовать от должника исполнения обязательства по мерам обязательственного характера, а должник считается исполнившим данное обязательство. В этой связи, в мерах уведомительного характера нового кредитора должнику об уступке требования (цессии) заинтересован первую очередь цессионарий.

Гражданское законодательство относит достаточным уведомления должника первоначальным кредитором по договору кредита, путем направления ему копии удостоверительного документа в формально-определенной форме. Данными действиями достигается факт уведомительного характера об уступке требования.

Должник по договору кредита считается в достаточной мере уведомленным об уступке право требования (цессии) в случае, если меры уведомительного характера направлены ему первоначальным кредитором

либо новым кредитором. Вместе с тем, в случае если должник знал или был уведомлен о состоявшейся уступке требования (цессии), но все равно исполнил обязательство перед первоначальным кредитором, то в данном случае обозначенное лицо не освобождается от исполнения обязанности перед новым цедентом, однако сохраняет право возврата, исполненного перед первоначальным цедентом.

Первоначальный цедент в данном случае признается неосновательно обогатившимся и становится обязанным возвратить полученное по неосновательному обогащению должнику.

При этом, гражданское законодательство Российской Федерации не обозначает регламентированных критериев уведомления должника о состоявшейся уступке требования, но, вместе с тем, исходя из ст. 382 ГК РФ следует, что уведомление об уступке требования должно носить формально-определенный характер.

Договор должен содержать пункт об ответственности сторон, об обстоятельствах, послуживших основанием для освобождения от ответственности, о конфиденциальности. В заключительных положениях указывается на применение в части, не урегулированной договором, законодательства Российской Федерации, на вступление в силу соглашения и другое. Документы, передаваемые цедентом цессионарию, оформляются в качестве приложения к договору уступки прав.

Можно сформулировать общий вывод, что права и обязанности сторон в договоре уступки права требования зависят от его правовой природы, а также особенностей, присущих кредитной сфере. Основными обязанностями цедента являются: передача уступаемого права, всех сведений и документов, необходимых для реализации уступленного требования. К правам цедента можно также отнести требование предоставления встречного возмещения (при условии возмездности). Цессионарий может требовать передачи уступленного права (требования), всех документов и информации, связанной с переданным правом. Как показало проведенное исследование, представляется неуместным расположение диспозиции о моменте перехода права (требования) в норме, посвященной правам и обязанностям сторон по договору цессии. На наш взгляд, необходимо выделить его в отдельную статью. Обязанностями цессионария являются передача встречного предоставления за уступленное право, уведомление должника о состоявшейся уступке, хотя данная обязанность может быть возложена на первоначального кредитора.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (ред. от 26.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6687.
3. Белов В.Л. Сингулярное правопреемство в обязательстве: монография. – М., 2019.
4. Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике: монография – М., 2018.
5. Крашенинников П.В. Очерки по торговому праву. – Ярославль, 2013.
6. Пушина С.А. Основные положения об уступке прав требования // Актуальные исследования. 2022. № 2. С. 31-33.
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.04.2019 по делу № Л44-355/2018 // СПС Консультант Плюс.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.35

Васьковский Андрей Сергеевич,
студент магистратуры Международного юридического института
Andrejrus90@yandex.ru

Иванцов Сергей Вячеславович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института
isv1970@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ В КОММЕРЧЕСКОМ ПОДКУПЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЕГО РАЗМЕРА

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос дифференциации уголовной ответственности и связанные с этим проблемы квалификации ответственности за посредничество в коммерческом подкупе, в т.ч. мелком, в зависимости от его размера. Рассмотрен вопрос неурегулированности законодателем посредничества в мелком коммерческом подкупе и в коммерческом подкупе на сумму от 10 до 25 тыс. рублей. В статье автор заключает о несоблюдении принципа равенства всех пред законом в вопросах квалификации посредничества в коммерческом подкупе и делает вывод о необходимости внесения изменений в действующие нормы уголовного кодекса РФ, а именно в ч. 1 ст.204.1.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, размер подкупа, посредничество в коммерческом подкупе, мелкий коммерческий подкуп.

Vaskovskiy Andrey Sergeevich,
master`s student at the International Law Institute

Ivantsov Sergey Viacheslsovich,
Doctor of Science, Professor
Professor of the Department of Criminal Law Disciplines
of the International Law Institute

PROBLEMATIC ISSUES OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY IN MEDIATION OF COMMERCIAL BRIBERY DEPENDING ON IT`S SIZE

Abstract. The article considers the problem of differentiation of **criminal liability** and related problems of qualification of responsibility for mediation in commercial bribery, including small one, depending on its size. Considered issue of non-regulation by the legislator of mediation in small commercial bribery and commercial bribery in the amount of 10 to 25 thousand rubles. In article, author concludes that the principle of equality of all before the law in the qualification of mediation in commercial bribery hasn`t been observed and suggests to amend the current norms of the Criminal Code of Russia, namely, Part 1 of Article 204.1.

Keywords: commercial bribery, the size of the bribe, mediation in commercial bribery, small commercial bribery.

В учёных кругах распространено мнение о том, что от постоянства отечественного законодательства по большей степени зависит его же эффективность. Однако, значительные преобразования, случившиеся в России в начале 1990-х годов и последовавшие за этим социально-экономические изменения, приучили нас к значительной динамичности уголовного законодательства. Современному уголовному законодательству, как и в 1990-х годах явно не хватает стабильности. Явлением достаточно обыденным для российской уголовной политики стали процессы криминализации и декриминализации различных деяний. По большей части изменения законодательства обусловлены социальными проблемами, запросами общества вызванными, как правило, резонансными преступлениями, широко освещаемыми в СМИ и конечно политической обстановкой, тесно связанной с внешнеполитическими потрясениями. Нередко происходит так, что законодатель сперва избавляется от определённой нормы, а позднее снова возвращаясь к ней¹.

---

¹ Рагозина И.Г. Коммерческий подкуп: вопросы дифференциации уголовной ответственности и проблемы квалификации / И.Г. Рагозина – Текст: электронный // Сибирское юридическое обозрение – Выпуск №3 Том 16. – 2019. - С. 327-331. -

В начале 90-х гг. в связи со сменой устройства Российского государства и социально-экономическими изменениями, обусловленными в первую очередь строгим разделением публичных и частных секторов экономики, созданием и развитием рыночной системы хозяйствования, начали активно развиваться предприятия, компании и организации с частными (негосударственными) формами собственности. В этот период впервые был поднят логичный вопрос о проблеме защиты интересов частного капитала, который ранее был не актуален.

Принятый в 1996 году, как результат изменения уголовной политики государства, кодекс не содержал нормы ответственности за посредничество в коммерческом подкупе, хотя дача и получение подкупа была криминализована законодателем изначально. Таким образом деяния, связанные с посредничеством в коммерческом подкупе, охватывались одной из форм соучастия в преступлении предусмотренной ч. 5 ст. 33 УК РФ, а именно пособничеством в совершении преступления¹. Важно ответить, что общественная опасность коммерческого подкупа не вызывает сомнения в научных кругах. Законодатель ещё в 2016 году выбрал направление дифференциации уголовной ответственности за коммерческий подкуп путём разделения уголовной ответственности в зависимости от суммы самого подкупа (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ)². Так в Уголовный кодекс РФ была внесена новая норма (ст. 204.2 УК РФ, предусматривающая ответственность за мелкий коммерческий подкуп), хотя ранее подобные деяния охватывались ст. 204 УК РФ, которая не содержала ссылки на минимальную сумму такого подкупа. В период рассмотрения и принятия указанного выше Закона инициаторы указывали в пояснительно записке основной необходимостью его принятия то, что причиной выделения данной нормы послужила в первую очередь небольшая общественная опасность такого деяния. Как результат, законодателем в качестве основного фактора, который значительно снижает общественную опасность подобного противоправного деяния и соответственно является критерием разграничения (дифференциации) уголовной ответственности за коммерческий подкуп, была определена сумма такого подкупа. Согласно диспозиции, ст. 204.2 УК РФ

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommercheskiy-podkup-voprosy-differentsiatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti-i-problemy-kvalifikatsii/viewer> (дата обращения: 07.05.2023).

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 06.09.2022).

² Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

мелким считается такой коммерческий подкуп, который не превышает 10 тыс. рублей.¹

В подтверждение утверждения, что критерием разграничения (дифференциации) уголовной ответственности выступил именно размер вознаграждения может свидетельствовать то, что в отличие от ст. 204 УК РФ ст. 204.2 УК РФ содержит лишь один квалифицирующий признак, а именно совершение лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных статьями 204, 204.1 УК РФ. Вне диспозиции ч. 1 ст. 204.2 УК РФ остались иные квалифицирующие признаки, которые присущие коммерческому подкупу. Указанная проблематика требует отдельного изучения и не будет рассмотрена в данной статье, так как в статье рассматриваются проблемные вопросы посредничества в коммерческом подкупе.

В 2016 году, кроме указанного выше разграничения (дифференциации на коммерческий подкуп и мелкий коммерческий подкуп) уголовной ответственности была введена ответственность за посредничество в коммерческом подкупе. Однако сразу стало очевидным, что законодатель оставил вне поля своего зрения такое общественно-опасное деяние как посредничество в мелком коммерческом подкупе, что значительно усложнило жизнь правоохранительных органов и породило множество вопросы у многих правоприменителей. Данная норма появилась фактически как аналог посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), данное деяние стало самостоятельным преступлением уже в мае 2011 г. Прямая отсылка, указывающая на размер суммы денежных средств взятки с которой наступает уголовная ответственность по ст. 291.1 УК РФ содержится непосредственно в самой диспозиции данной статьи². Таким образом уголовная ответственность за посредничество при даче или получении взятки наступает при достижении размера суммы такой взятки не менее как в 25 тыс. рублей. Из-за точного определения размера взятки, с которого наступает ответственность при посредничестве, в момент принятия данной нормы (2011 год) в научных кругах вспыхнула острейшая дискуссия, которая не утихает до сих пор. Результаты подобных дискуссий и обсуждений законодателем не были учтены и в 2016 году в рассматриваемом случае с коммерческим подкупом. он «наступив на те же грабли» пошел по уже пройденному пути.

¹ Кострыкина В.В. Проблемы квалификации коммерческого подкупа / В.В. Кострыкина – Текст: электронный // Вопросы студенческой науки – Выпуск №4 (44). – 2020. - С. 427-432. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kvalifikatsii-kommercheskogo-podkupa/viewer> (дата обращения: 07.09.2022).

² Комаров В. Б. Получение взятки должностным лицом за намеренное невыполнение служебных полномочий в виде бездействия // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции 2 ноября 2018 года. 2019. С. 534.

При рассмотрении связанных с квалификацией посредничества в коммерческом подкупе проблем в научной юридической литературе часто поднимается вопрос, почему законодатель криминализовал такое деяние лишь со значительного размера? Из-за такого поверхностного подхода к выполнению своей работы со стороны законодателя была создана правовая коллизия, что породило огромное количество проблем для множества рядовых правоприменителей, таких как судьи и сотрудники правоохранительных органов. Без ответов остались вопросы правоприменителей, которые можно свести к двум следующим аспектам:

- Почему разграничение (дифференциация) коммерческого подкупа и мелкого коммерческого подкупа законодателем проведена по сумме в 10 тыс. рублей, а посредничества в коммерческом подкупе с 25 тыс. рублей?
- Можно ли признать, что пособничество в получении или передаче подкупа в размере менее 25 тыс. рублей вообще не наказуемо?

На сегодня в научной юридической литературе однозначных ответов на указанные выше вопросы нет, также, как и официальных разъяснений со стороны того же Пленума Верховного суда РФ.

Как результат того, что законодатель оставил место для фантазий и творчества правоприменителей в судебной практике сложились два совершенно разных прецедента¹. В первом прецеденте суды устанавливают ответственность за посредничество в коммерческом подкупе лишь с суммы такого подкупа в более чем 25 тыс. рублей, а при сумме менее указанного размера ответственность не наступает. Во-втором прецеденте суды устанавливают ответственность за посредничество в коммерческом подкупе в сумме менее 25 тыс. рублей в качестве соучастия в даче или получении такого подкупа.

Стоит отметить что предмет коммерческого подкупа и мелкого коммерческого подкупа разные. Законодатель сам разделил (дифференцировал) ответственность именно в части предмета преступления (его сумме). По мнению законодателя, именно сумма подкупа отражает степень общественной опасности такого деяния. Таким образом мы можем считать эти составы преступления разными, а статья, которая предусматривает ответственность за посредничество в коммерческом подкупе не распространяется на другую самостоятельную уголовную-правовую норму (аналогия в уголовном праве запрещена согласно ч. 2 ст. 3 УК РФ).

---

¹ Рагозина И.Г. Коммерческий подкуп: вопросы дифференциации уголовной ответственности и проблемы квалификации / И.Г. Рагозина – Текст: электронный // Сибирское юридическое обозрение – Выпуск №3 Том 16. – 2019. - С. 327-331. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommercheskiy-podkup-voprosy-differentsiatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti-i-problemy-kvalifikatsii/viewer> (дата обращения: 07.05.2023).

Получается ситуация, в которой посредник передает при передаче суммы свыше 25 тыс. рублей несёт уголовную ответственность по ст. 204.1 УК РФ (согласно правилу применения общей и специальной нормы, в теории квалификации преступлений), если менее 10 тыс. рублей несёт ответственность как соучастник по ч. 5 ст. 33 УК РФ и по ст. 204.2 УК РФ, если сумма свыше 10 тыс. рублей, но не более 25 тыс. рублей ответственность посредник не несёт.

В теории по этому вопросу были высказаны различные точки зрения, одна из которых заключается в том, что посредничество в мелком подкупе не наказуемо¹, хотя единой позиции у правоприменителя по данному вопросу так и не сложилось и единого подхода к данной проблематике в юридической науке также нет.

В вопросе посредничества в коммерческом подкупе неоднозначная квалификация действий посредника со стороны правоприменителя очевидно нарушает ч. 1 ст. 19 Конституции РФ, «равенства всех перед законом», и противоречит ст. 6 УК РФ, а именно общему принципу справедливости в уголовном праве. При это важно не забывать, что ст. 204.1 УК РФ по отношению к ст.204 УК РФ является специальной нормой с привилегированным составом. Согласно общим правилам конкуренции уголовно-правовых норм если в деянии присутствует привелегирующий признак, то содеянное не может оцениваться по общей норме². Исходя из вышеуказанного допустимость квалификации посредничества в коммерческом подкупе в значительном и незначительном размере в качестве соучастия в преступлении предусмотренного ст. 204 УК РФ недопустимо. Указанная проблематика вызывает особый интерес в научных юридических кругах и требует дальнейшего детального изучения вне рамок данной статьи.

Опираясь на вышеизложенное, автор полагает, что общественная опасность посредничество в коммерческом подкупе в размере от 10 до 25 тыс. рублей является значительной. Для полной ликвидации и искоренения образовавшийся правовой коллизии и споров, возникших со стороны сотрудников правоохранительных органов и судей по вопросу толкования уголовно-правовых норм в сложившейся ситуации автор считает единственно верным внести указание в ч. 1 ст. 204.1 УК РФ на размер подкупа в сумме от 10 до 25 тыс. рублей с определением квалифицирующих признаков в

¹ Комаров В. Б. Получение взятки должностным лицом за намеренное невыполнение служебных полномочий в виде бездействия // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции 2 ноября 2018 года. 2019. С. 534.

² Кострыкина В.В. Проблемы квалификации коммерческого подкупа / В.В. Кострыкина – Текст: электронный // Вопросы студенческой науки – Выпуск №4 (44). – 2020. - С. 427-432. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kvalifikatsii-kommercheskogo-podkupa/viewer> (дата обращения: 07.05.2023).

зависимости от размера подкупа. Таким образом решать данную проблему необходимо путём разделения (дифференциации) уголовной ответственности в зависимости от размера подкупа. При этом, автор считает, что посредничество в мелком коммерческом подкупе (в сумме до 10 тыс. рублей) сотрудникам правоохранительных органов и судьям необходимо квалифицировать как соучастие в преступлении, предусмотренном ст. 204.2, обязательно ссылаясь на ч. 5 ст. 33 УК РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 06.09.2022).
2. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.
3. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 6831 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Комаров В. Б. Получение взятки должностным лицом за намеренное невыполнение служебных полномочий в виде бездействия // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции 2 ноября 2018 года. 2019. С. 534.
6. Егорова Н.А. Новые разъяснения Пленума Верховного суда Российской Федерации по вопросам квалификации преступлений против интересов службы / Н.А. Егорова, А.Г. Егоров, С.А. Гордейчик – Текст: электронный // Уголовное право и криминология. – 2021. - С. 58-68. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-razyasneniya-plenuma-verhovnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-po-voprosam-kvalifikatsii-prestupleniy-protiv-interesov-sluzhby/viewer> (дата обращения: 07.05.2023).
7. Кострыкина В.В. Проблемы квалификации коммерческого подкупа / В.В. Кострыкина – Текст: электронный // Вопросы студенческой науки –

Выпуск №4 (44). – 2020. - С. 427-432. -
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kvalifikatsii-kommercheskogo-podkupa/viewer> (дата обращения: 07.05.2023).

8. Рагозина И.Г. Коммерческий подкуп: вопросы дифференциации уголовной ответственности и проблемы квалификации / И.Г. Рагозина – Текст: электронный // Сибирское юридическое обозрение – Выпуск №3 Том 16. – 2019. - С. 327-331. -
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommercheskiy-podkup-voprosy-differentsiatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti-i-problemy-kvalifikatsii/viewer> (дата обращения: 07.05.2023).

УДК 343.3/7

Монахов Александр Сергеевич,
старший эксперт Департамента законотворческой деятельности
Торгово-промышленной палаты Российской Федерации
monakhov.alexandr@yandex.ru

ДОПИНГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ В КОММЕРЧЕСКИХ И ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация. Целью работы является анализ обоснованности отнесения склонения к употреблению и применения в отношении спортсмена допинга к преступлениям, посягающим на здоровье населения и общественную нравственность.

Основными задачами исследования является отражение несовершенства действующего правового регулирования и формулировка обоснованной позиции, отражающей возможность отнесения допинговых преступлений к преступлениям, посягающим на отношения в сфере защиты интересов службы в коммерческих и иных организациях. Научная новизна работы выражается в формулировании новых объектов преступного посягательства. Объектом предлагается выделить исторически сложившиеся и нормативно закрепленные ценности спорта, представляющие из себя такие отношения спортсменов, которые построены на представлениях об этике, справедливости и честности.

Ключевые слова: допинговые преступления, Уголовный кодекс, уголовное преступление, преступное посягательство, объект преступления, преступления против здоровья, преступления против интересов службы, допинг, физическая культура, WADA, ценности спорта.

Monakhov Aleksandr Sergeevich,
Senior Expert of the Department of Legislative Activity
Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation

DOPING CRIMES AS CRIMES AGAINST THE INTERESTS OF SERVICE IN COMMERCIAL AND OTHER ORGANIZATIONS

Abstract. The purpose of the article is to analyze the validity of classifying inducement to use and the use of doping in relation to an athlete as crimes that infringe on public health and public morality.

The main objectives of the study are to reflect the imperfections of the current legal regulation and formulate a substantiated position reflecting the possibility of classifying doping crimes as crimes encroaching on relations in the sphere of

protecting the interests of the service in commercial and other organizations. The scientific novelty of the article is expressed in the formulation of new objects of criminal encroachment. The object is proposed to highlight the historically established and normatively established values of sport, which represent such relations between athletes that are built on ideas about ethics, justice and honesty.

Keywords: doping crimes, Criminal Code of the Russian Federation, criminal offense, criminal offense, object of crime, crimes against health, crimes against the interests of the service, doping, physical culture, WADA, values of sports.

В научном сообществе ведется достаточно активная дискуссия, выражающаяся в критике действующего подхода к уголовно-правовому регулированию допинговых преступлений. Часть авторов предлагает декриминализовать склонение к использованию и использование в отношении спортсмена тренером, специалистом по спортивной медицине либо иным специалистом в области физической культуры и спорта субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. Другая часть предлагает пересмотреть правовой подход к регулированию указанных отношений путем проектирования новых норм и дефиниций. Большинство ученых сходятся во мнении о необходимости совершенствования допингового законодательства. Актуальность подобных научных изысканий и данной работы, в частности, обусловлена несовершенством правового регулирования допинговых преступлений, которое выражается в двух основных аспектах – правоприменительном и общенаучном.

Так, на практике правоохранительные органы практически не реагируют на допинговые проступки. Согласно данным Всемирного антидопингового агентства (WADA), в 2020 году Российская Федерация стала лидером по количеству допинговых нарушений, организацией было зафиксировано — 135 случаев¹. В 2019 году российские спортсмены, в соответствии с отчетом WADA, также чаще других нарушали антидопинговые правила – зафиксировано 167 случаев². Российское антидопинговое агентство (РУСАДА), в свою очередь, сообщало о 202 случаях нарушения антидопинговых правил в 2019 году, 108 случаях в 2020 году и 106 случаях в 2021 году³. Вместе с тем, с момента установления уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с применением допинга, на территории Российской Федерации зарегистрировано 7 преступлений,

---

¹ World Anti-Doping Program 2020 Anti-Doping Rule Violation (ADRV) Report (https://www.wada-ama.org/sites/default/files/2023-05/2020_adrv_report.pdf).

² World Anti-Doping Program 2019 Anti-Doping Rule Violations (ADRVs) Report (https://www.wada-ama.org/sites/default/files/2022-01/2019_adrv_report_external_final_12_december_2021_0_0.pdf).

³ <https://www.statista.com/statistics/1081000/anti-doping-rule-violations-recorded-by-rusada/>

предусмотренных статьей 230.1. УК РФ (в 2018 году – 3, в 2019 – 1, в 2020 году – 1, в 2021 году – 2, в 2022 году – 0) и 2 преступления, предусмотренных статьей 230.2. УК РФ. (2018 г. – 0, 2019 г. – 2, 2020 г. – 0, 2021 г. – 0), что следует из анализа формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС «Единый отчет преступности». Таким образом, можно констатировать, что введение уголовной ответственности за допинговые преступления в 2016 году не возымело должного эффекта по соблюдению российскими спортсменами и их персоналом антидопинговых правил, как предполагали разработчики.

Вторым аспектом, характеризующим несовершенство правового регулирования, можно назвать необоснованность и некачественную проработку самой правовой конструкции. Различные авторы зачастую подвергают критике проектирование, в соответствии с которым допинговые статьи выступают специальными нормами по отношению к статье 230 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривающей ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. А также на необоснованность отнесения допинговых преступлений к институту уголовного права, регулирующему отношения в сфере здоровья населения и общественной нравственности.

Учитывая изложенное, целью настоящей работы является рассмотрение вопроса об обоснованности отнесения преступлений за склонение к использованию и использование в отношении спортсмена тренером, специалистом по спортивной медицине либо иным специалистом в области физической культуры и спорта субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте к преступлениям, направленным против здоровья населения и общественной нравственности и возможности отнесения указанных преступлений к преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

Исходя из конструкции норм, законодатель практически ставит знак равенства между наркотическими и психотропными веществами и допингом (а также запрещенными в спорте методами). С той лишь разницей, что допинг по неизвестным причинам опасен исключительно для спортсменов, а наркотические вещества для любого человека. В несоответствии предмета преступления общественной опасности, которую он несет содержится одно из основных противоречий.

А.И. Рарог в монографии «Фармацевтическое уголовное право России»¹ дает бесспорную характеристику предмету допинговых преступлений, констатируя что «мотивация противодействия допингу существенно

---

¹ "Фармацевтическое уголовное право России: монография" (отв. ред. А.И. Рарог) ("Перспект", 2019).

отличается от той, которая положена в основание противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ».

С изложенным аргументом невозможно не согласиться. Действительно, многие вещества, запрещенные к использованию в спорте, в соответствии с постановлением Правительства РФ от 28.03.2017 № 339 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» не обладают основными признаками, характерными для наркотических и психотропных веществ, а именно медицинским, социальным и юридическим признаками.

Медицинский признак выражается в специфическом действии наркотических средств и психотропных веществ на организм человека, в первую очередь, на его центральную нервную систему, социальный признак означает, что применение наносит существенный вред общественным отношениям, формам взаимодействия индивидов, системе организации социальных институтов и пр. Юридический признак следует из наличия медицинского и социального признаков и проявляется в том, что государство официально признает вещество наркотическим. Вместе с тем, например, мельдоний, находящийся в перечне субстанций, запрещенных для использования в спорте под номером 3.2.3 не обладает ни одним из указанных признаков, а среди побочных эффектов названы аллергические реакции (покраснение, высыпания, зуд, отек), а также диспептические явления, тахикардия, изменения артериального давления и возбуждение, что явно не аналогично действию наркотических или психотропных веществ. Юридическим признаком мельдоний также не обладает и находится в свободном гражданском обороте.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что допинг, как предмет преступления не представляет опасности для здоровья населения, как то предполагает глава 25 УК РФ. Соответственно, допустим вывод о неверно выбранном законодателем объекте преступного посягательства.

Таким образом, в целях выполнения задачи, поставленной перед данным исследованием, а именно формирования обоснования целесообразности отнесения допинговых преступлений к преступлениям, направленным против интересов службы в коммерческих и иных организациях, предлагается подробно рассмотреть указанную главу УК РФ.

Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях - это общественно опасные деяния, посягающие на нормальное (законное) функционирование отдельных коммерческих или иных организаций в различных сферах деятельности и причиняющие либо создающие угрозу причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций, либо охраняемым законом интересам общества или государства.

Видовым объектом рассматриваемых преступлений выступает основанная на соблюдении и исполнении действующего законодательства нормальная деятельность коммерческой или иной организации, а также некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением. Представляется, что допинговые преступления куда более тяготеют к объекту главы 23 УК РФ, нежели к объекту главы 25 УК РФ.

В целях обоснования утверждения об относимости допинговых преступлений к преступлениям против интересов службы следует привести содержание указанной главы. Рассматриваемая глава немногочисленна, она содержит такие преступления как: злоупотребление полномочиями и его специальные составы; злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами; превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей; коммерческий подкуп; посредничество в коммерческом подкупе и мелкий коммерческий подкуп. Рассматриваемая глава находится в разделе VIII УК РФ, регулирующим преступления в сфере экономики.

Одним из основных критериев, характеризующих указанные выше преступления является такое поведение субъекта преступления, которое противоречит интересам организации, деятельность и нормальное функционирование которой он должен обеспечивать.

Учитывая изложенное, нарушение антидопинговых правил путем склонения спортсмена или использования в отношении спортсмена допинга, можно рассматривать как деяния, которые причиняют вред дисциплинарной системе отношений внутри спортивных организаций и спорта в целом. Тренер или представитель вспомогательного персонала, применяя допинг, посягают именно на отношения честности в спорте. Охрана же этих отношений является прямой обязанностью как организаций, проводящих соревнования, так и их сотрудников.

Понимание допингового преступления как преступления, посягающего на порядок управления и функционирования общественных организаций также синхронизировано с критериями включения субстанций и методов в Запрещенный список, в соответствии со Всемирным антидопинговым кодексом (далее – Кодекс). Так, в соответствии с Кодексом, субстанция или метод включаются в запрещенный список если медицинские или другие научные данные, фармакологический эффект или опыт свидетельствуют о том, что данная субстанция или метод сами по себе или в комбинации с другими субстанциями или методами улучшают, или способны улучшать спортивные результаты; медицинские и другие научные данные, фармакологический эффект или опыт свидетельствуют о том, что использование данной субстанции или метода представляет реальный или потенциальный риск для

здоровья спортсмена; использование данной субстанции или метода противоречит духу спорта. Таким образом, первым критерием указана именно возможность вещества улучшать результаты спортсмена. Риск для здоровья может вообще отсутствовать, поскольку для включения субстанции или метода в запрещенный список достаточно наличия только двух из трех критериев.

Антидопинговый кодекс также гласит, что антидопинговые программы, помимо прочего, направлены на поддержание целостности спорта с точки зрения уважения правил, других участников соревнований, честной борьбы, равных условий «игры» и ценности чистого спорта во всем мире.

Именно установленные ценности спорта и подвергаются преступному посягательству. Указанные ценности носят исключительно социальный характер и никак не связаны со здоровьем человека или другими биологическими критериями, а также подвергались существенному изменению и пересмотру исторически с самого зарождения спорта как деятельности человека. При этом причинение вреда здоровью спортсмена может рассматриваться как квалифицирующий признак преступления, однако можно констатировать, что основной объект преступного посягательства – это социальные ценности.

С учетом положений статьи 2 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» организатором спортивного соревнования может быть только юридическое лицо, которое, которое с учетом предлагаемой конструкции может признаваться потерпевшим, поскольку каждый допинговый скандал наносит тяжелый вред деловой репутации спортивной организации, ложится неизгладимым пятном на курирующие и вышестоящие спортивные организации, влечет наложение существенных санкций как на команды, так и на спортсменов, не замешанных в допинговом происшествии. Такой состав преступления представляется более справедливым по сравнению с действующим регулированием, когда потерпевшим признается сам спортсмен, в отношении которого были применены запрещенные субстанции или методы. Так, если предположить, что спортсмен был осведомлен о составе введенного ему вещества и путем уговоров или угроз принудил тренера, специалиста по спортивной медицине либо иного специалиста в области физической культуры применить в отношении него такую субстанцию или метод, спортсмен должен быть признан потерпевшим, одновременно являясь подстрекателем к совершению преступления, что безусловно является абсурдным.

Если исходить из предлагаемой конструкции, предмет преступления будет также более однозначно свидетельствовать о наличии общественной опасности. Так, разрешенные к обороту вещества, находящиеся в запрещенных списках и не причиняющие вред здоровью, очевидно причиняют вред порядку

организации соревнований, этики, справедливости, честности, уважению к другим участникам соревнований и прочим спортивным ценностям.

Также более логичной может быть сформирована субъективная сторона преступления, в частности – мотив преступления. В статье 230 УК РФ, предусматривающей ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов мотивом чаще всего выступает потребность субъекта преступления сбывать такие вещества или обеспечивать сбыт веществ другим преступникам, поскольку наркотические средства в большинстве случаев выступают источником преступного дохода. При квалификации преступлений, предусмотренных статьями 230.1 и 230.2 УК РФ мотивом скорее следует назвать достижение спортсменом спортивных результатов, получение им призов, премий и т.д. То есть само потребление допинга не выступает самоцелью, тренер или другой спортивный специалист не желает, чтобы спортсмен как можно чаще потреблял допинг, был зависим от допинга и обращался к нему за получением такого вещества. Напротив, мотивы тренера или иного спортивного специалиста напрямую связаны с результатами будущих соревнований и лишь опосредованно связаны с формированием у спортсмена желания употребления допинга. Они не желают того, что бы спортсмен попал в среду допингистов и формировал свое поведение исходя из зависимости от допинга, для них главное – достижение спортсменами спортивного результата на соревнованиях.

Исходя из изложенного, можно сформулировать вывод о том, что допинговые преступления в первую очередь посягают на исторически сложившиеся и нормативно закрепленные ценности спорта, представляющие из себя такие отношения спортсменов, которые построены на представлениях об этике, справедливости и честности. В то время как определение здоровья спортсмена в качестве основного объекта преступного посягательства представляется ошибочным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ.
2. Всемирный антидопинговый кодекс WADA, 2021.
3. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 28.04.2023) "О физической культуре и спорте в Российской Федерации".
4. Фармацевтическое уголовное право России: монография / Отв. ред. А.И. Рарог – "Проспект", 2019.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации" (постатейный) (9-е издание, переработанное и дополненное) / Под ред. Г.А. Есакова – "Проспект", 2021.
6. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник" / Отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев –"КОНТРАКТ", 2017.

УДК 343.3/7

Монахов Александр Сергеевич,
старший эксперт Департамента законотворческой деятельности
Торгово-промышленной палаты Российской Федерации
monakhov.alexandr@yandex.ru

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО СТАТЬЕ 230.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА

Аннотация. Целью статьи выступает анализ опыта судебного преследования за применение допинга в отношении спортсмена, который был завершен обвинительным приговором. Перед исследованием поставлены задачи анализа неоднозначных выводов суда о наличии состава преступления. В частности, рассмотрены аспекта отнесения осужденного к субъекту преступления, предусмотренного статьей 230.1 УК РФ. Проанализировано расширительное толкование судебными инстанциями понятия «спортсмен», используемое для целей уголовного законодательства.

Ключевые слова: субъект допингового преступления, Уголовный кодекс, борьба с допингом, WADA физическая культура, спорт, обязательные признаки субъекта преступления.

Monakhov Aleksandr Sergeevich,
Senior Expert of the Department of Legislative Activity
Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation

ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE UNDER ARTICLE 230.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION FROM THE POINT OF VIEW OF THE SUBJECT COMPOSITION

Abstract. The purpose of the article is to analyze the experience of prosecution for doping against an athlete, which resulted in a conviction. The study was tasked with analyzing the court's ambiguous conclusions about the existence of a crime. In particular, aspects of classifying a convicted person as a person of a crime under Article 230.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered. The broad interpretation by the courts of the concept of “athlete”, used for the purposes of criminal law, is analyzed.

Key words: person of a doping crime, Criminal Code, anti-doping, WADA physical education, sports, mandatory signs of a person of a crime.

Целью настоящей работы является анализ единственного на настоящий момент случая судебного преследования по статье 230.1 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ с точки зрения правового подхода, который применили судебные органы для установления состава преступления. Безусловно, столь малая эмпирическая база не позволяет сделать вывод о концептуальных подходах судебных органов к разрешению подобных дел, однако она также представляет интерес и не должна остаться без внимания, особенно актуальной тема исследования представляется в контексте вопроса о совершенствовании правового подхода к регулированию преступлений, связанных с использованием допинга.

В соответствии с Федеральным законом от 22.11.2016 № 392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил)»², УК РФ пополнился новыми составами - склонением спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте и использованием в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте.

Согласно форме федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС «Единый отчет преступности», утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 2 июля 2012 года № 250, с момента установления уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с применением допинга, на территории Российской Федерации зарегистрировано 7 преступлений, предусмотренных статьей 230.1 УК РФ (в 2018 году – 3, в 2019 – 1, в 2020 году – 1, в 2021 году – 2, в 2022 году – 0). Возможно было бы предположить, что такое малое количество преступлений связано с высокой эффективностью предупредительной функции действующих норм и введение уголовной ответственности для вспомогательного персонала явилось действенным способом борьбы с использованием допинга, однако данные о совершенных нарушениях допинговых правил такому утверждению противоречат. Так, согласно данным Всемирного антидопингового агентства (WADA), в 2020 году Российская Федерация стала лидером по количеству допинговых нарушений, организацией было зафиксировано — 135 случаев³. В 2019 году российские спортсмены, в соответствии с отчетом WADA, также чаще других нарушали

---

¹ Далее – УК РФ.

² Далее – Федеральный закон № 392-ФЗ.

³ World Anti-Doping Program 2020 Anti-Doping Rule Violation (ADRV) Report (https://www.wada-ama.org/sites/default/files/2023-05/2020_adrv_report.pdf).

антидопинговые правила – зафиксировано 167 случаев¹. Российское антидопинговое агентство (РУСАДА), в свою очередь, сообщало о 202 случаях нарушения антидопинговых правил в 2019 году, 108 случаях в 2020 году и 106 случаях в 2021 году².

Таким образом, можно констатировать, что введение уголовной ответственности не возымело должного эффекта по соблюдению российскими спортсменами антидопинговых правил, как предполагали разработчики.

Обращает на себя внимание также показательно большая разница между количеством выявленных допинговых нарушений и количеством возбужденных уголовных дел, что, безусловно не может не вызывать сомнения относительно совершенства действующей правовой процедуры, поскольку до суда было доведено только одно уголовное дело, которое безусловно заслуживает изучения.

3 сентября 2019 года в производство Северодвинского городского суда Архангельской области поступило уголовное дело № 1-28/2020 (1-658/2019;). Гражданин К.М. обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных статьей 230.1 часть 2 пункт «б»; статьей 234 часть 1 УК РФ. Приговором суда от 23 октября 2020 г. К.М., ранее не судимый, осужден по пункту «б» части 2 статьи 230.1 УК РФ к 1 году 6 месяцам ограничения свободы с установлением предусмотренных законом ограничений и возложением обязанности, с лишением на 3 года 6 месяцев права заниматься тренерской и преподавательской деятельностью в области физической культуры и спорта; части 1 статьи 234 УК РФ к 2 года 6 месяцам ограничения свободы с установлением предусмотренных законом ограничений и возложением обязанности. В связи с истечением сроков давности уголовного преследования, освобожден от назначенного наказания.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Архангельского областного суда от 9 февраля 2021 г. приговор Северодвинского городского суда изменен, из осуждения К.М. исключено склонение им одного из спортсменов к использованию субстанций, запрещенных для использования в спорте, за исключением случаев, предусмотренных статьей 230 УК РФ (статья 230.1 часть 2 пункт «б» УК РФ). Действия К.М. по статье 230.1 части 2 пункту «б» УК РФ квалифицированы как склонение спортсмена иным специалистом в области физической культуры и спорта к использованию субстанций, запрещенных для использования в спорте, за исключением случаев, предусмотренных статьи 230 УК РФ,

---

¹ World Anti-Doping Program 2019 Anti-Doping Rule Violations (ADRVs) Report (https://www.wada-ama.org/sites/default/files/2022-01/2019_adrv_report_external_final_12_december_2021_0_0.pdf).

² <https://www.statista.com/statistics/1081000/anti-doping-rule-violations-recorded-by-rusada/>

совершенное в отношении двух спортсменов, в том числе в отношении заведомо несовершеннолетних спортсменов и назначено наказание в виде 1 года 3 месяцев ограничения свободы с установлением ограничений и возложением обязанности, с лишением на 3 года 6 месяцев права заниматься тренерской и преподавательской деятельностью в области физической культуры и спорта, от назначенного наказания на основании пункта «а» части 1 статьи 78 УК РФ, пункта 3 части 1 статьи 24 УПК РФ К.М. освобожден от наказания в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Кассационным определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 30.09.2021 № 77-2152/2021, кассационная жалоба на приговор Северодвинского городского суда Архангельской области от 23 октября 2020 г. и апелляционного определения Архангельского областного суда от 9 февраля 2021 г. оставлены без удовлетворения.

Представляют интерес обстоятельства данного дела, которые следует рассмотреть для объективной оценки рассматриваемых норм УК РФ.

Так, в кассационной жалобе, адвокат осужденного ссылается на то, что суды необоснованно пришли к выводу о том, что К.М. является субъектом преступления, предусмотренного статьей 230.1 УК РФ, в связи с тем, что у К.М. отсутствовало необходимое образование для назначения на должность, которую он занимал и, соответственно, отнесение его к специальным субъектам преступления, предусмотренного пунктом «б» части 2 статьи 230.1 УК РФ было неверным. Суд не учел эти обстоятельства и при определении К.М. как субъекта преступления, руководствовался:

- показаниями потерпевших, которые сообщили, что они занимались пауэрлифтингом, где их тренировал К.М., он же готовил их к соревнованиям, для повышения спортивных результатов уговорил принимать препараты, запрещенные для применения в спорте, поскольку выражал недовольство из-за отсутствия значимого роста показателей и обещал, что тестостерон поможет улучшить результаты, заявлял, что его принимают все, но рассказывать об этом нельзя и никто об этом не узнает. Спустя несколько месяцев, склонив их к приему препарата, сам неоднократно делал им уколы, тщательно прятал запрещенный к употреблению препарат, а использованные шприцы, флаконы и ампулы всегда забирал с собой;

- показаниями руководителя спортивного комплекса и инструктора по кадрам, которые сообщили об обстоятельствах работы К.М. в комплексе и его должностных полномочиях, с которыми он был ознакомлен;

- показаниями юриста агентства по спорту Архангельской области, пояснившей, что должность К.М. относилась к числу иных специалистов в области физической культуры и спорта, являясь по должности инструктором на спортивном объекте. Другой свидетель, сотрудник агентства по спорту Архангельской области, также пояснила, что во время проведения спортивных мероприятий по пауэрлифтингу неоднократно видела К.М., который перед

выступлением настраивал участников соревнований, показывал, как им делать упражнения.

В этой связи Третий кассационный суд пришел к выводу о том, что К.М. относится к другим специалистам по физической культуре, так как тренировал и готовил к спортивным соревнованиям спортсменов.

Следует отметить, что в соответствии Приказом Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации от 16 апреля 2012 г. № 347 «Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации» (действовал в момент вынесения решения), к иным специалистам в области физической культуры и спорта в Российской Федерации относятся, в том числе, инструктор-методист по адаптивной физической культуре, инструктор-методист физкультурно-спортивных организаций, инструктор по адаптивной физической культуре, инструктор по спорту. Однако, в соответствии с Приложением к приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 15 августа 2011 г. № 916н «Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих. Раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в области физической культуры и спорта» наименьшие из предъявляемых требований к квалификации по указанным специальностям (инструктор по спорту) – это высшее профессиональное образование в области физической культуры и спорта без предъявления требований к стажу работы или среднее профессиональное образование в области физической культуры и спорта без предъявления требований к стажу работы.

В открытом доступе отсутствуют данные об образовании К.М., однако, если исходить из приговора, суд не отрицает отсутствие соответствующего образования у К.М., а исходит из фактического осуществления деятельности подсудимым без учета формального несоответствия занимаемой им должности. Согласно пресс-релизу¹ Архангельского областного суда, в соответствии с показаниями свидетелей, должность инструктора фактически предусматривала тренерскую работу, инструктор вел индивидуальные дневники и планы тренировок, сопровождал спортсменов в соревнованиях, инструктировал их, был отмечен денежными премиями за успехи. Установление перечисленных обстоятельств, очевидно, сказалось на решении суда. Подсудимый, в свою очередь, отрицал как факт склонения и использования в отношении спортсменов допинга, так и наличие у него описанных обязанностей. По его словам, он не имел отношения к тренерской работе с детьми, а в его обязанности входило осуществление организационно-

---

¹ http://obsud.arh.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=721

хозяйственных функций¹, однако суд не учел его доводы. Таким образом, суд в качестве определяющего обстоятельства учел фактические действия лица, а не его формальный статус и отсутствие образования, которое бы позволяло его относить к субъектам преступления.

С научной точки зрения, подобный подход представляет интерес. Так, при определении субъектного состава по рассматриваемому преступлению, суд учитывает все обстоятельства совершенного преступления, которые позволяют установить такие признаки как организация и проведение занятия по физическому воспитанию субъектом преступления, проведение им тренировочных занятий по утвержденным программам, проведение спортивно-оздоровительной работы и разработку в этих целях планов спортивных мероприятий и прочие. В целом, суду необходимо установить все признаки, которые позволят констатировать, что лицо выполняло трудовую функцию в соответствии с профессиональным стандартом специалиста по инструкторской и методической работе в области физической культуры и спорта, пусть даже в соответствии с законом не могло исполнять такие обязанности.

Остальные обстоятельства дела не представляют особого научного интереса и не вызвали дискуссии относительно юридического толкования тех или иных определений, а также не ставили вопроса о возможном отсутствии состава уголовного преступления.

Учитывая изложенное, возникают некоторые вопросы – насколько важно для установления субъекта преступления по рассматриваемому составу в принципе наличие договорных отношений? Например, выполнять функции инструктора (фитнес-тренера) до принятия Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» в части совершенствования деятельности фитнес-центров» от 02.08.2019 № 303-ФЗ было допустимо в рамках договора гражданско-правового характера. В настоящее время на практике большое количество спортивных организаций не оформляют инструкторов в штат и, соответственно, на них не должны распространяться требования профессиональных стандартов. Безусловно, такие действия являются нарушением закона со стороны работодателя (заказчика), но не исполнителя. В любом случае, на практике постоянно возникают ситуации, при которых лицо, не имеющее профессионального образования и не соответствующее профстандартам, фактически осуществляет функции спортивного инструктора или фитнес-тренера. Будут ли применяться уголовно-правовые меры по отношению к такому физическому лицу, которое использовало или склонило к использованию допинга спортсмена, при этом не являясь специалистом в области физической культуры, но выполняющему его функции? А также

---

¹ Там же.

насколько важно установление фактов, которые бы доказывали осознание субъектом преступления, не имеющим профессионального образования и не соответствующего профессиональному стандарту, того, что оно склоняет (применяет) именно допинг (особенно это актуально в контексте того, что большинство веществ, являющихся допингом, находятся в свободном обороте и зачастую продаются безрецептурно)?

Однозначный ответ на поставленные вопросы невозможно дать ввиду скудности судебной практики. Однако можно прийти к выводу, что суд при рассмотрении дела не будет учитывать отсутствие или несоответствие квалификации у субъекта преступления, даже несмотря на наличие соответствующего требования в законе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022, с изм. от 11.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу 01.03.2023).
3. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 28.04.2023) "О физической культуре и спорте в Российской Федерации".
4. Федеральный закон от 02.08.2019 № 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» в части совершенствования деятельности фитнес-центров».
5. Письмо Минтруда России от 04.04.2016 N 14-0/10/13-2253 (вместе с "Информацией Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации по вопросам применения профессиональных стандартов").
6. Приказ Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации от 16 апреля 2012 г. № 347 «Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации».
7. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 15 августа 2011 г. N 916н "Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел "Квалификационные характеристики должностей работников в области физической культуры и спорта".

СЛОВО СТУДЕНТУ

УДК 347.94

Ковальчук Константин Артемович,
студент магистратуры Международного юридического института
singcat2008@rambler.ru

Научный руководитель: Алиев Тигран Тигранович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Международного юридического института
tta70@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что стремительное развитие цифровых технологий в современном мире предопределяет возникновение новых видов доказательств и средств доказывания, а значит, необходимость правового регулирования их допустимости. Несмотря на пользу электронных документов как доказательств, есть ряд препятствий для их полноценного использования в судебных заседаниях.

Ключевые слова: электронные доказательства, электронные документы, цифровая подпись, идентификация, аутентификация.

Kovalchuk Konstantin Artemovich,
master`s student at the International Law Institute

Scientific supervisor: Aliev Tigran Tigranovich,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Civil Law and Procedure
International Law Institute

PROBLEMS OF USING ELECTRONIC EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation. The relevance of the topic is determined by the fact that the rapid development of digital technology in the modern world predetermines the emergence of new types of evidence and means of proof, and therefore the need for legal

regulation of their validity. Despite the usefulness of electronic documents as evidence, there are a few obstacles to their full use in court proceedings.

Keywords: electronic evidence, electronic documents, digital signature, identification, authentication.

В современном мире можно наблюдать тенденцию компьютеризации и цифровизации жизни общества. В связи с растущей значимостью этой тенденции появляются различные цифровые и электронные типы носителей, которые имеют много отличий от привычных нам бумажных, которые не имели значимых альтернатив очень долгое время. Специфика новых видов носителей и их различия с традиционными ставит вопрос о допустимости применения информации, содержащейся на электронных носителях, в качестве доказательств в гражданском процессе. Практическое применение в судебном процессе электронных документов как доказательств относительно ново для российского законодательства, а это означает, что институт электронных документов как доказательств в настоящее время проходит свое становление¹.

За последние годы в судебной практике сильно увеличилось количество гражданских дел, по которым суду были представлены доказательства в виде информации на электронных носителях. Этот рост подтверждает появление в Постановлениях Пленума ВС РФ разъяснений о допустимости электронного сообщения в различных категориях дел и специальное Постановление высшей судебной инстанции от 26 декабря 2017 г. N 57 "О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов".

В связи со стремительным развитием информационных технологий нет ничего удивительного в том, что они интегрируются в различные сферы жизни общества. Судопроизводство и правосудие в целом должны успевать за прогрессом и, как силы, которые обеспечивают защиту прав и свобод граждан, не остаются в стороне от тенденции к цифровизации. 1 января 2017 г., в соответствии с Федеральным законом от 23.06.2016 № 220-ФЗ, были приняты изменения в законодательстве в отношении применения электронных документов в различной деятельности судов. Таким образом, после введения данного изменения в суд можно подать жалобу, ходатайство или исковое заявление в виде электронного документа. Также стоит заметить, что с этим законом произошло расширение понятия письменных доказательств в ст. 71 ГПК РФ (а также в статьях КАС РФ и АПК РФ). К письменным доказательствам теперь возможно отнести документы, которые подписаны

---

¹ Квартальнова В.В. Понятие и место электронных доказательств: проблемы теории и практики // Modern Science. 2021. № 5-3. С. 213-215.

электронной подписью или получены через интернет¹. Стоит заметить, что есть несколько точек зрения на понятие электронных доказательств. Значительное количество ученых-процессуалистов отождествляют электронные доказательства с электронными документами, не раскрывая его понятия. Понятие же электронного документа закреплено п. 1.1 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В соответствии с этим нормативно-правовым актом «электронный документ — это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах».

В качестве электронных доказательств можно считать сведения об обстоятельствах, которые имеют для дела значение, и представлены в виде цифровой аудио– или видео записи. Помимо этого, к электронным доказательствам можно отнести протоколы судебных заседаний, протоколы процессуальных действий, зафиксированные при помощи электронно-вычислительных средств. Таким образом, электронный документ, содержащий информацию о значимых для рассмотрения разрешения дела обстоятельствах, при соблюдении законодательных требований и получении в установленном порядке, является электронным доказательством. В определенных ситуациях, когда стороны оспаривают содержание электронного документа или сомневаются в его подлинности, возникает потребность в проведении судебной экспертизы, которая регулируется ст. 79 ГПК РФ. Эта экспертиза необходима для признания доказательства достоверным. Самым очевидным способом придать электронному документу юридическую силу считается электронная цифровая подпись (ЭЦП). Подписание документа электронной подписью приравнивается к собственноручному подписанию бумажной версии документа. В случае, если в электронном документе содержится текст или изображение, необходимо распечатать бумажную копию документа, которая должна быть оформлена и заверена уполномоченным лицом. Такая копия электронного документа может быть приобщена к делу и исследоваться как обыкновенный бумажный документ. Можно заметить, что ведется множество споров и обсуждений в отношении правовой природы электронных доказательств.

Теоретическая дилемма заключается в неопределенности, к какому виду стоит относить такие доказательства – вещественным или письменным. Электронные доказательства следует все-таки считать письменными, так как

---

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 29.12.2022, с изм. от 10.01.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023)) // Российская газета. N 137. 27.02.2002.

заклученные в них сведения являются отражением человеческой мысли в отношении существующей действительности. Все же мы относим этот вид доказательства к смешанным, так как он имеет отличительные признаки и вещественных, и письменных доказательств, являясь записью, как правило текстовую, хранящейся на материальном носителе. Важно отметить, что в процессуальном законодательстве отсутствует понятие электронного документа в качестве доказательства, также не разъяснено какими характеристиками должен быть наделен электронный документ, чтобы его можно было рассматривать как средство доказывания и приобщить к делу. Как правило, в судебной практике электронные документы не используются, так как не все аспекты их применения регламентированы законом, и судом, как и иными уполномоченными органами, такие доказательства могут быть признаны недопустимыми. Соответственно, есть препятствия для использования электронных доказательств в суде в условиях сегодняшней государственно-правовой действительности. С одной стороны, у использования электронных доказательств есть ряд безусловных преимуществ. Тем не менее, при более детальном анализе можно выявить и недостатки, которые могут проявиться на практике. Это связано с тем, что для рассмотрения и использования данных доказательств нужно выполнение некоторых социальных технических и правовых условий, что не всегда осуществимо. Большой значимостью обладают видео- и аудиозаписи, имеющие высокую степень убедительности. Такие доказательства позволяют максимально приблизиться к достижению истинны, что и является основной степенью доказывания. Но не стоит забывать, что оценке судом с точки зрения достоверности, допустимости и относимости подлежат только видео- и аудиозаписи, полученные законным путем и подлинность, которых не вызывают сомнений. И все же гражданское законодательство РФ допускает использование электронных документов в качестве доказательств.

Однако для полноценного их использования должны быть применены определенные меры. В первую очередь - меры для установления подлинности и достоверности информации, содержащейся в электронном документе, а также возможность аутентификации и идентификации этой информации. Аутентификация представляет собой возможность проверить целостность и оригинальность информации, содержащейся в электронном документе. Идентификацией называют возможность установить отношения того или иного лица к данному электронному документу. Для установления источника информации в документе должны содержаться соответствующие реквизиты, в частности электронная подпись. Таким образом видится необходимым внесение коррективов в ГПК РФ, в частности, внесение в него понятия электронного документа как доказательства, закрепление правовых гарантий его использования, гарантии достоверности, определенный процессуальный порядок исследования соответствующих источников в судебном заседании.

Также необходимо внедрить правовые требования касательно форм электронных доказательств. Есть все основания полагать, что электронные доказательства будут далее прогрессировать как вид доказательства с развитием информационных технологий. Благодаря этому, можно в перспективе ожидать выделения их как отдельного вида доказательства. Использование электронных доказательств является одним из важнейших векторов развития института доказывания и доказательств¹.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Российская газета. N 220. 20.11.2002.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 29.12.2022, с изм. от 10.01.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023)) // Российская газета. N 137. 27.02.2002.
3. Борисова Ж.Д., Удалов М.И. Проблема электронных доказательств в гражданском процессе // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 28. С. 279-285.
4. Квартальнова В.В. Понятие и место электронных доказательств: проблемы теории и практики // Modern Science. 2021. № 5-3. С. 213-215.
5. Мигачева А.Ю., Пченушай К.А. Интернет-аккаунт как объект наследственного правопреемства // Государство и право в цифровую эпоху: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27 апр. 2022 г.). СПб.: С.-Петербург. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 134-143.
6. Пользовательское соглашение Yahoo. [Электронный ресурс] URL: <https://legal.yahoo.com/ie/ru/yahoo/terms/otos/> (дата обращения: 26.02.2022).

---

¹ Борисова Ж.Д., Удалов М.И. Проблема электронных доказательств в гражданском процессе // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 28. С. 279-285.

УДК 347.651.4

Протасов Сергей Владимирович,
магистрант Международного юридического института
stantor-tula@mail.ru

Научный руководитель: Колябин Алексей Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Муниципального бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Волжский институт экономики, педагогики и права»,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Волжского филиала Международного юридического института
alkolyabin@yandex.ru

ГИПОТЕЗА ТРАНСФОРМАЦИИ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ НАСЛЕДНИКА - ТРАНСГЕНДЕРА

Аннотация. В статье выдвигается гипотеза зависимости объёма наследственных прав (сохранения, изменения, утраты) наследника, изменившего гендерную принадлежность. В качестве аргумента, обосновывающего такую зависимость, предлагается рассматривать факт трансгендерного перехода как правовое рождение иного субъекта права, полностью отличающегося от первоначального субъекта – наследника. Влияние на объём наследственных прав, по мнению автора, оказывает, так называемое «новое рождение», отдаляющее наследника – транс от наследодателя количеством рождений. Вместе с тем, для сохранения даже в изменённом виде наследственных прав трансгендера, автор полагает необходимым предоставление наследодателем согласия наследнику на трансгендерный переход в нотариальной форме.

Ключевые слова: трансгендерный переход, наследственные права, наследник, число рождений, трансформация прав.

Protasov Sergey Vladimirovich,

Master's student of the International Law Institute

Scientific supervisor: Kolyabin Alexey Yurievich,

Ph. D., associate Professor,

associate Professor civil-law disciplines

Volzhsky Institute of Economics Pedagogy and Law,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure

The Volga branch of the International Law Institute

HYPOTHESIS OF TRANSFORMATION OF HERITARY RIGHTS OF AN HEIR - TRANSGENDER

Abstract. The article puts forward a hypothesis of the dependence of the amount of inheritance rights (preservation, change, loss) of the heir who has changed gender. As an argument justifying such a dependence, it is proposed to consider the fact of a transgender transition as the legal birth of another subject of law, completely different from the original subject - the heir. The influence on the amount of inheritance rights, according to the author, is exerted by the so-called "new birth", which separates the heir - trance from the testator by the number of births. At the same time, to preserve the inheritance rights of a transgender even in a modified form, the author considers it necessary for the testator to provide consent to the heir to the transgender transition in a notarial form.

Keywords: transgender transition, inheritance rights, heir, number of births, transformation of rights.

Одним из ключевых принципов наследственного права является принцип сохранения имущества (наследства) внутри семьи. Важность данного принципа отметил в своей работе Е.А. Суханов: «позволяет наследованию наилучшим образом выполнить свою основную – обеспечительную функцию, т.е. оставить имущество умершего в семье и поддержать таким образом близких наследодателю лиц»¹. Данный принцип при наследовании по закону действительно призван защитить интересы кровнородственного или семейно-родственного окружения покойного и выстроен на предположительном не озвученном волеизъявлении наследодателя. Исходя из простой логики биологического фактора числа рождений и линий родства, подразумевается неизменность степени родства каждого конкретного наследника к конкретному наследодателю, за исключением родственных связей, основанных на брачно-семейных отношениях. Однако, в отношении

---

¹ Суханов Е.А. Российское гражданское право. Т.1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Е.А. Суханов; отв.ред. Е.А. Суханов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2019. С. 668.

наследника – трансгендера подобная неизменность степени родства не выглядит столь очевидной, по нижеследующим основаниям. Применимо к исследуемому общественному явлению – перемена гражданином своего гендера, возникает необходимость оценки возможных вариантов правовой взаимосвязи двух юридических фактов: открытие наследства и трансгендерный переход, для чего, в первую очередь, требуется выявить, установить или, напротив, опровергнуть наличие и степень родственной связи между наследодателем и наследником – трансгендером. Для этой цели, в качестве отправной точки необходимо использовать новеллу – правовую фикцию «нового рождения», которая основана на фактическом появлении нового (другого) человека, и, как следствие, иного субъекта права. Оставив за пределами рассмотрения чисто медицинскую составляющую пришествия в мир нового человека, с правовой точки зрения, можно утверждать, что субъект права, совершивший трансгендерный переход, не имеет ничего общего с первоначальным (рождённым) субъектом права, поскольку, пол (гендер) является одним из ключевых идентифицирующих признаков физического лица, наряду с именем, датой рождения и рядом других, которые влияют на возникновение и объём прав и обязанностей в различных сферах общественных отношений. В наследственных правоотношениях, как производных от общих гражданских, таким образом, также невозможно игнорировать гендерную принадлежность или её изменение. Изменение пола (гендера) приводит к значительным кардинальным переменам не только с анатомическими, физиологическими, биохимическими и генетическими характеристиками человека, но также меняет его мировоззрение, морально-нравственные ориентиры, социальную сферу, общественное окружение, а также влияет на психические явления (процессы, свойства, состояния) личности, что наряду с последующим изменением имени физического лица, полностью исключает из жизненного пространства первоначально рождённого субъекта права и вводит в данное жизненное пространство «нового рождённого» субъекта права. Таким образом, имеют место, так называемые, с одной стороны, правовая смерть одного субъекта права, и, с другой стороны, правовое рождение другого субъекта права. Юридический факт изменения гендера, в безусловном порядке, обязан привести к юридическим последствиям не только для самого трансгендера, но и для его окружения, к числу которых бесспорно относятся правомочия в наследственных правоотношениях. Исходя из фикции «нового рождения», трансгендер утрачивает первоначальную кровнородственную связь (степень родства) со своими родственниками: отцом, матерью, детьми, братьями и т.д.

Есть смысл провести анализ предлагаемой гипотезы непосредственно в рамках наследственных правоотношений, в частности, очерёдности наследования. Например, применительно к наследникам первой очереди, к которой, в соответствии со статьёй 1142 ГК РФ, относятся: дети, супруг и

родители наследодателя, а также по праву представления внуки и их потомки¹. В отношении супругов трансгендерный переход наследника должен приводить к полной утрате наследственных прав, причём сразу по двум основаниям, первое из которых возможность признания брака недействительным, в соответствии с нормами Семейного кодекса Российской Федерации², второе прекращение брачнородственных отношений, согласно фикции «нового рождения». При этом для супруга (супруги) – транса возможность сохранения наследственных прав остаётся, при условии перевода данного наследника в седьмую очередь наследников по закону, как транспадчерицы и транспасынка соответственно. В отношении трансгендера – ребёнка после смерти его родителя, представляется возможным сохранение наследственных прав, при этом данный наследник – трансгендер должен быть переведён в категорию наследников, имеющих право наследовать по праву представления, поскольку в своём новом правовом статусе транс является внуком наследодателя. В отношении трансгендера – родителя после смерти его ребёнка, наследственные права также могут быть сохранены, однако, применяя принцип удалённости по числу рождений, данного наследника – трансгендера необходимо перевести из первой очереди наследования в следующую очередь – вторую, поскольку его правовой статус изменится с родителя на трансбрата (транссестру) наследодателя, отдалив его по числу рождений на основании фикции «нового рождения». Аналогия увеличения числа рождений сохраняется также для трансгендера – внука или трансгендера – потомка внука, что, в свою очередь, приводит к изменению его родственного статуса на трансправнука (трансправнучку) и транспраправнука (транспраправнучку) соответственно. Для всех последующих очередей наследников принцип перевода наследника – трансгендера в иную очередь, более отдалённую числом рождений, должен быть полностью сохранён. На основании предложенной гипотезы, в отношении наследников седьмой очереди, представленной, в соответствии со статьёй 1145 ГК РФ, пасынками, падчерицами, отчимом и мачехой наследодателя³, необходимо сделать вывод о полной утрате наследственных прав данным наследником – трансом по следующим основаниям. Применительно к отчиму и мачехе их трансгендерный переход несомненно приведёт к приобретению ими статуса собственных детей, а значит переводу данных наследников в следующую очередь по числу рождений: трансбратьев

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г., № 287-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 49, ст. 4552; 2021. № 27 (часть I), ст. 5115.

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022 г., № 538-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16; 2022. № 48, ст. 8332.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г., № 287-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 49, ст. 4552; 2021. № 27 (часть I), ст. 5115.

и трансестёр наследодателя, при этом, поскольку правовая взаимосвязь указанных наследников с наследодателем полностью неформальна и не основана ни на кровнородственных, ни на семейных отношениях, статус трансбрата или трансестры будет из разряда сводных, следовательно, его наследственные права будут полностью утрачены, так как наследование по закону для сводных братьев и сестёр действующим законодательством не предусмотрено. Трансгендерный переход пасынка и падчерицы, в свою очередь, инициирует их перевод в категорию наследников по праву представления при том, что для седьмой очереди данное право законодательно не закреплено.

Также необходимо проанализировать возможные правовые последствия такого нетипичного, но вероятного факта, как обратный трансгендерный переход. Имеет ли место в данном случае возвращение (возрождение) первоначального субъекта права? Рассматривая данный юридический факт в строгом соответствии с предложенной гипотезой, очевиден вывод, что обратный трансгендерный переход «нового рождённого» лица является с биологической и физиологической точек зрения лишь восстановлением прежней гендерной принадлежности, но с правовой точки зрения его нельзя рассматривать в качестве автоматической безусловной отмены факта «нового рождения» и возвращения к первоначальному правовому статусу, как в семейных, так и в наследственных правоотношениях. В полной мере обратный трансгендерный переход, равно как и все возможные последующие в бесконечном количестве, необходимо квалифицировать как очередное «новое рождение», которое, в свою очередь, приводит к аналогичным правовым последствиям предыдущего «нового рождения», то есть увеличивает число рождений, и, как следствие отдалает очерёдность наследника – дважды транс. Например, сын наследодателя в результате первого трансгендерного перехода став трансвнучкой, в случае последующего обратного трансгендерного перехода, станет трансправнуком наследодателя.

Единственным исключением, не соответствующим рассматриваемому варианту взаимосвязи юридических фактов открытие наследства – трансгендерный переход и не в полной мере укладываемым в гипотезу, основанную на правовой фикции «нового рождения», являются наследственные правоотношения, связанные с наследниками – нетрудоспособными иждивенцами (статья 1148 ГК РФ). Указанное исключение сформировано на том, что наследственные права данной категории наследников основаны не только на родственных (семейных) отношениях, но также являются производными от дополнительной совокупности юридических фактов нетрудоспособности, иждивения и, в ряде

случаев, факта совместного проживания¹. Следовательно, можно констатировать, что в аспекте кровнородственных или семейно-родственных связей и их потери с наследодателем, предложенной гипотезой невозможно обосновать трансформацию или утрату наследственных прав для данной категории наследников в результате их трансгендерного перехода. Однако, для некоторых очередей наследников, указанных в пункте 1 статьи 1148 ГК РФ, становится возможным утверждать о трансформации их наследственных прав посредством перевода данных наследников в категорию, предусмотренную пунктом 2 статьи 1148 ГК РФ, по причине утраты кровнородственной или семейной связи в результате отдаления по числу рождений за пределы шестой или седьмой очередей, установленных статьёй 1145 ГК РФ².

Складывается мнение, что становится актуальным введение в наследственное право нового института, в нормах которого будут закреплены императивные требования, ограничивающие, изменяющие и прекращающие наследственные права наследников, изменивших гендерную принадлежность. Правовой механизм данного института, как производного от института наследования по закону, должен быть задействован при отсутствии со стороны наследодателя завещательных распоряжений, однако, учитывая специфику и особую деликатность рассматриваемых общественных отношений, имеет смысл ввести в наследственное право специальный правовой инструмент, предусматривающий письменное в нотариальной (или приравненной) форме согласие со стороны гражданина на совершённый или вероятный в будущем трансгендерный переход его конкретного потенциального наследника по закону или упомянутого поимённо круга потенциальных наследников по закону любой очереди в любой момент до или после открытия наследства, либо только после открытия наследства, допускающий один, несколько обратных или неограниченное количество трансгендерных переходов. В случае отсутствия завещания, при наследовании по закону, наследник – трансгендер, получивший согласие наследодателя на свой трансгендерный переход, выраженное в письменной нотариальной (приравненной) форме и при точном соблюдении параметров такого согласия (время относительно открытия наследства, количество транспереходов и т.п.), сохранит возможность в изменённом объёме реализовать право на приобретение наследства, переместившись в другую очередь наследников или в категорию наследников по праву представления. В отношении потомков наследника – трансгендера, претендующих на приобретение наследства по праву представления, в

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г., № 287-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 49, ст. 4552; 2021. № 27 (часть I), ст. 5115.

² Там же.

соответствии со статьёй 1146 ГК РФ¹, представляется необходимым установить отдельный правовой механизм, дифференцирующий указанных претендентов на наследование относительно взаимосвязи времени перемены гендера наследника, которого они представляют, и времени возникновения их родственных отношений, основанных на кровнородственных или семейных связях. Другими словами, рождение или усыновление данных потомков до первого трансгендерного перехода их предка – трансгендера не должно влиять на объём их наследственных прав, поскольку данная категория наследников, во-первых, сохраняет кровнородственные или семейные связи с наследодателем, так же, как и в случае физической смерти наследника – трансгендера, а, во-вторых, данные субъекты права не могут нести ответственность за совершение их предками соответствующих юридических поступков, что позволит полностью сохранить их наследственные права, предусмотренные пунктом 2 статьи 1142, пунктом 2 статьи 1143, пунктом 2 статьи 1144 ГК РФ². Напротив, рождение или усыновление данных потомков уже после первого трансгендерного перехода их предка, полностью пресекает для них возможность наследовать по закону по праву представления. Исключением является случай предоставления со стороны наследодателя права наследнику на совершение трансгендерного перехода на основании нотариального (приравненного) согласия, что позволит сохранить в трансформированном виде (с уменьшенным объёмом наследственных прав) за потомками наследника – трансгендера, приобретшими родственные отношения после перемены им гендера, возможность наследовать по праву представления. Собственное право наследования наследника по праву представления, изменившему гендер (потомок – трансгендер), также подлежит отдельному правовому регулированию, но в соответствии с вышеизложенным правовым механизмом, либо отдающим данного наследника в очереди по количеству рождений, либо сохраняющим его наследственные права в неизменном виде при определённых условиях (отсутствие иных наследников по праву представления с неизменным гендером).

Применение такого правового инструмента, как «согласие на трансгендерный переход» позволит сохранить наследственные права трансгендера в изменённом виде и с уменьшенным объёмом, что обусловлено фикцией «нового рождения». Отсутствие согласия наследодателя на трансгендерный переход полностью пресекает для наследника – трансгендера любой категории и очереди право наследовать. Аналогично вышерассмотренным следует оценивать права наследников – трансгендеров, в отношении лиц,

---

¹ Там же.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г., № 287-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 49, ст. 4552; 2021. № 27 (часть I), ст. 5115.

претендующих на приобретение наследства в порядке статьи 1147 ГК РФ (усыновленные и усыновители)¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., № 1-ФКЗ) // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.; СЗ РФ. – 2020. – № 11, ст. 1416.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г., № 287-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 49, ст. 4552; 2021. № 27 (часть I), ст. 5115.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022 г., № 538-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16; 2022. № 48, ст. 8332.
4. Суханов Е.А. Российское гражданское право. Т.1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Е.А. Суханов; отв.ред. Е.А. Суханов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2019. – 985 с.

---

¹ Там же.

УДК 347.44, 347.441

Хабибулова Алсу Амировна,
студентка Международного юридического института
alsu6ka93@yandex.ru

Научный руководитель: Барбашова Татьяна Павловна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Международного юридического института
1228662@mail.ru

ФОРМА СДЕЛОК С ЦИФРОВЫМИ ФИНАНСОВЫМИ АКТИВАМИ

Аннотация. В статье рассматривается форма сделок с цифровыми финансовыми активами в контексте законодательных изменений ГК РФ, отличия способа заключения сделок с ЦФА от других сделок, совершаемых с использованием электронных и иных технических средств.

Ключевые слова: цифровой финансовый актив, письменная форма сделки, автоматизированное исполнение обязательства, смарт-контракт.

Khabibulova Alsu Amirovna,
student of the International Law Institute

Supervisor: Barbashova Tatyana Pavlovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
International Law Institute

FORM OF TRANSACTIONS WITH DIGITAL FINANCIAL ASSETS

Abstract. The article discusses the form of transactions with digital financial assets in the context of legislative changes in the Civil Code of the Russian Federation, the difference between the method of concluding transactions with digital financial assets from other transactions made using electronic and other technical means.

Key words: digital financial asset, written form of a transaction, automated fulfillment of an obligation, smart contract.

Технический прогресс в сфере информационных технологий приводит к появлению новых форм передачи товаров, а также новых видов товаров, работ и услуг. Поскольку право выступает инструментом экономики, законодателью

приходится имплементировать цифровые феномены, в том числе в гражданское право.

Совершение сделок в сети «Интернет», как правило, представляет собой:

- обмен электронными документами;
- аукцион в электронной форме;
- конклюдентные действия.

На практике наиболее часто в сети «Интернет» договоры заключаются именно путем совершения конклюдентных действий¹, то есть нажатием «клавиш» на определенном интерактивном ресурсе (например, в интернет-магазине). Безусловно, данный способ заключения договора используется и профессиональными участниками гражданских правоотношений – например, посредниками на рынке ценных бумаг, в сфере оборота цифровых прав, а также иными участниками гражданских правоотношений, в связи с чем представляет интерес для исследования.

Отметим, что до 01.10.2019 многие правоведы сходились во мнении, что совершение сделки при помощи конклюдентных действий «примыкает» к устной форме сделки², однако, реформы гражданского законодательства требуют посмотреть на этот вопрос иначе.

Положения статьи 1 Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее- Федеральный закон № 34-ФЗ) добавили в пункт 2 ст. 434 ГК РФ указание на то, что заключение договора возможно путем составления одного электронного документа. Также благодаря реформе совершение сделки с помощью электронных или иных технических средств приравнено к соблюдению простой письменной формы. Таким образом, совершение конклюдентных действий в сети «Интернет» и иных технических средств, которое позволяет воспроизвести на материальном носителе содержание сделки в неизменном виде, определяется³ как письменная форма, что положительно оценивается правоведами. Однако совершение иных конклюдентных действий, направленных на возникновение (изменение или прекращение) правоотношения, не попадающих под указанные выше критерии (в том числе, например, при отсутствии материального носителя) не могут быть приравнены к соблюдению письменной формы, но могут быть отнесены к устной форме сделки.

---

¹ Правовое регулирование предпринимательской деятельности: учебное пособие/ под ред. В.В.Гущина, В.А. Баранова.- М., 2017. С. 117.

² Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. Москва: Статут. 2019 // СПС «Консультант Плюс».

³ Арнаутов Д.Р., Ерохина М.Г. Цифровые активы в системе российского права // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 148 – 157.

Стоит отметить, что при совершении сделки в «стандартной» письменной форме (на бумажном носителе) суды указывают на необходимость указания в договоре условия о допустимости переписки в электронной форме для того, чтобы волеизъявления сторон с помощью электронных и технически средств имело юридическую силу. При отсутствии такого условия суды отклоняют переписку сторон в электронной форме как недопустимое доказательство.¹ Данная позиция не является бесспорной, учитывая, что переписка по e-mail, позволяющая безошибочно установить новые условия сделки, должна рассматриваться так же, как если бы данные условия были изложены на бумажном носителе, поскольку и первое и второе – виды письменной формы (соответственно, требование к единой форме для договора и изменений к нему по п. 1 ст. 452 ГК РФ соблюдено).

Если договоры розничной купли-продажи товаров могут заключаться в электронном виде и (или) путем подписания документа на бумажном носителе, то для некоторых видов правоотношений гражданское законодательство содержит требование об обязательном применении электронных и иных технических средств при заключении договора. Такая императива характерна, например, для заключения договоров в сфере закупок, при реализации имущества в процедурах банкротства, на рынке ценных бумаг, при передаче цифровых финансовых активов.

В соответствии с п. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» выпуск, учет и обращение ЦФА возможны исключительно путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. Статья 10 Федерального закона «О цифровых финансовых активах» устанавливает, что совершение сделок с цифровыми финансовыми активами происходит через оператора обмена ЦФА. С целью обеспечения заключения сделок с цифровыми финансовыми активами оператор осуществляет сбор и сопоставление заявок на совершение данных сделок либо в интересах третьих лиц участвует за свой счет в сделке с ЦФА в качестве стороны такой сделки. Соответственно, законодательство прямо указывает на необходимость заключения договоров строго в электронной форме.

В юридической литературе договор, на основании которого осуществляется передача ЦФА, именуется смарт-контрактом. Распространенным является мнение о том, что «смарт-контракт» существует с помощью и в форме компьютерного алгоритма.² В отличие от договора

---

¹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 07.07.2020 № Ф10-2378/2020 по делу № А84-3639/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

² Адельшин Р.Н. «К вопросу об актуализации ответственности из прав на информационные технологии, производные инструменты или их аналоги» // «Образование и право». 2018. № 9.

розничной купли-продажи, заключаемой в сети «Интернет», для исполнения смарт-контракта не требуется отдельного нажатия клавиш, механизм исполнения договора полностью зашифрован и представляет собой определенный код. Соответственно, императивное применение электронных и иных технических средств при совершении сделок с ЦФА, полностью автоматизирование исполнения обязательств существенно отличают данную сделку от иных сделок, заключаемых в электронной письменной форме.

При этом в научной литературе рассматривается возможность фиксации отдельных условий сделок с ЦФА на бумажном носителе, например, путем заключения рамочного или предварительного договора, что уже отмечалось правоведами.¹ Соответственно, условия договора по передаче с ЦФА возможно зафиксировать на бумажном носителе, какие-либо законодательные запреты для заключения «предварительных» соглашений по передаче ЦФА на бумажном носителе отсутствуют. В свою очередь, такая фиксация позволит защитить сторону обязательства с ЦФА в случае ненадлежащего исполнения обязательств при техническом (программном) сбое.

Более того, заключение сделки с ЦФА в электронной форме не означает отсутствие необходимости получения корпоративного согласия на заключение сделки, которые, как правило, заключается (фиксируются) на бумажном носителе и (или) согласий супруга (супруги) при совершении сделок с физическими лицами. Соответственно, императивное совершение сделки с цифровыми активами в электронной форме не означает полное отсутствие документов, необходимых и оформляемых для ее совершения, на бумажном носителе.

Таким образом, договоры с цифровыми финансовыми активами заключаются и существуют строго в письменной форме с обязательным применением электронных и иных аналогичных технических средств в сети «Интернет». От других сделок, совершаемых с императивным использованием электронных и иных технических средств, сделки с ЦФА отличаются полной самоисполнимостью, что, однако, не гарантирует надлежащего исполнения обязательств по ним. При этом для защиты прав участников гражданского оборота (в том числе, на случай программного сбоя) возможно предварительное заключение соглашений, направленных на исполнение основного договора по передаче ЦФА, а также оформление согласий на совершение сделки, на бумажном носителе.

---

¹ Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1. С. 23 - 30.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 07.07.2020 № Ф10-2378/2020 по делу № А84-3639/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Адельшин Р.Н. «К вопросу об актуализации ответственности из прав на информационные технологии, производные инструменты или их аналоги» // «Образование и право». 2018. № 9.
3. Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1. С. 23 - 30.
4. Арнаутов Д.Р., Ерохина М.Г. Цифровые активы в системе российского права // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 148 - 157.
5. Правовое регулирование предпринимательской деятельности: учебное пособие/ под ред. В.В.Гущина, В.А. Баранова.-М., 2017.
6. Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. Москва: Статут. 2019 // СПС «Консультант Плюс».

**Научно-информационный журнал
«Вестник Международного юридического института»**

- Публикуется на сайте Международного юридического института: <http://lawacademy.ru/plan/nauchno-informatsionnyy-zhurnal-vestnik-myui/>
- Размещается на портале научной электронной библиотек eLIBRARY.RU, который является крупнейшим российским информационно-аналитическим порталом в области науки, технологий, медицины и образования.
- Поставляется в Российскую книжную палату обязательный экземпляр на государственную регистрацию в информационной системе «Государственная библиография».

